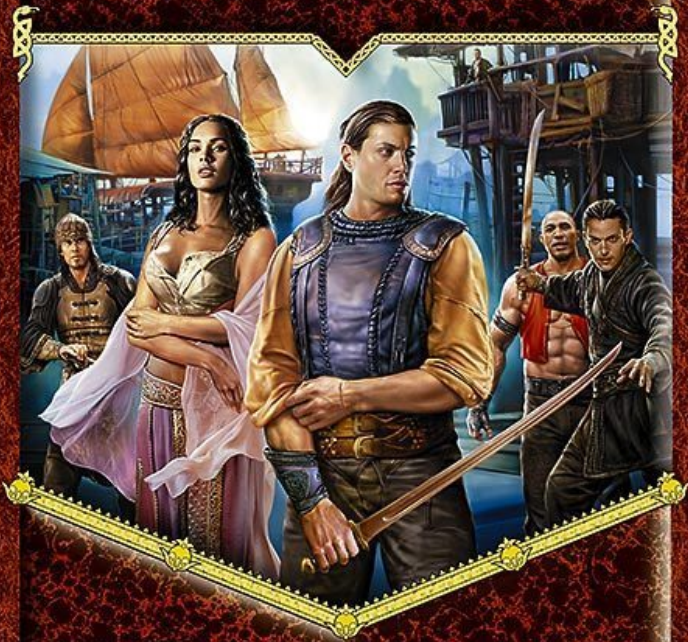

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Евгений ЩЕПЕТНОВ

МАНАГЕР

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Евгений Владимирович Щепетнов

Манагер

Серия «Манагер», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4958586

Манагер: Фантастический роман: Альфа-книга; Москва; 2012

ISBN 978-5-9922-1317-1

Аннотация

Ты менеджер по продажам в компьютерном салоне, у тебя спокойная тусклая жизнь... И вдруг – планета джунглей, рабовладельцев и разумных деревьев! Хочешь жить тысячу лет? Хочешь быть могучим воином, шаманом-колдуном, освобождать рабов и наказывать злодеев? Тогда тебе сюда, на планету Машрум! Только вначале придется валить лес в рабских лагерях, бегать по джунглям, спасаясь от врагов, учиться в племени лучших воинов этого мира... Тебе предстоит преодолеть много трудностей и бед, но ты со всем справишься, потому что ты – герой! *Текст представлен в авторской редакции.*

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	36
Глава 3	68
Глава 4	101
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Евгений Щепетнов

Манагер

Глава 1

Я с трудом разлепил глаза и застонал – ужасно болела рука, тело чесалось и зудело. В глазах мелькали тучи «мошек», кружащихся так, что меня начинало тошнить.

Я повернулся на бок и вытошнил остатками шашлыка и колы. Вид содержимого желудка привёл меня в ещё большее тошнотное состояние и рвотные спазмы последовали один за другим, пока уже нечего стало извергать, кроме желчи и желудочного сока.

Голова немного очистилась, и я стал осознавать, что со мной что-то не так: где речушка, возле которой мы разместились выехав всем офисом на майские посиделки?! Первое мая, дело святое! Как не выехать на природу и не напороться всем офисом во славу будущих продаж комплектующих! А также, параллельно, не потискать свою соседку по офису Аньку – её стол стоит рядом, всего в метре от меня.

Она так-то вполне благосклонно посматривала на меня – хотя может это мне и казалось? Я не отличаюсь особым «мачизмом» – рыхловатый, не очень высокий, под 180 (а точнее, увы, 175) ростом, парень 25 лет от роду, ста килограммов

весом (из них, как минимум, двадцать, на жирок и пивной животик), подслеповатые глаза, мне даже справку на машину не выдали, сволочи — как, мол, с таким зрением водить машину?

За четверть века моей спокойной и скучной жизни, у меня была всего одна женщина — и та менеджер с нашей работы, на десять лет старше меня, с неистребимым запахом табака изо рта. Которой после развода требовалось хоть какого-то мужика, даже такого дрябленького и лоховитого, как я.

Как я дошёл до такой жизни? А как все доходят? Спокойная семья, где отец инженер, а мама инспектор в собесе, школа, потом институт — физмат, пристроился менеджером по продаже в крупную фирму, торгующую компьютерным железом — зарплата недурная, думать особенно не заставляют, по тихому можно поболтать по аське с друзьями, после работы пивка хряпнуть и в ролевик погонять — тут я уже просто зверь — фулл золотые доспехи, рву всех, в консте состою, ну а личная жизнь... А что личная жизнь? Или мечты, или тридцатипятилетняя баба с запахом табака и небритостями, или вообще порносайт — что ещё может позволить себе небогатый бесперспективный парень из приличной семьи? (*Ой! — какая-то здоровенная крылатая сука ужалила меня в шею. Что за хрень? Где я?*)

Мы набрали пива, водяры, и все двадцать человек загрузились в пять легковых автомобилей. Через два часа, пробившись через потоки «леммингов», двигавшихся на дачу,

уже мчались по трассе, уносившей нас к светлому будущему – шашлыку, солнцу, речушке Глязьме, тихо несущей свои слегка опоганенные дачниками воды к своей сестре – Оке. Купаться, в якобы пьяном бессмысленном состоянии прижимать к себе упругие тела офисных красоток, играть в дурацкий волейбол (терпеть его не могу) – вот наше счастье на ближайшие часы.

Всё развивалось так, как я и ожидал – менеджеры быстро перепились, девки визжали, потрясая обтянутыми купальниками большими и не очень сиськами, парни напрягали накачанную в спортзале мышцу, а я, стыдясь дряблых телес, бегал в резиновых шлёпках, слаксах и толстовке с капюшоном.

Не то, чтобы я был совсем уж уродом – несмотря на свою дряблость и категорическое нежелание проводить время в спортзале, я был довольно силён – отец говорил, что это я в прадеда, кузнеца в станице Добринской, что на Дону, но по сравнению со спортивными загорелыми коллегами смотрелся как плюшевый медведь с вытертым ворсом – большой, но...хмммм...плешивый, что ли. Моя старшая подруга говорила, что я слишком уж к себе придиричив и мне не хватает уверенности, не такой уж я и лох, как выгляжу, но я ничего не мог с собой поделать – ну вот такой, какой есть.

Раскрепощался я, лишь выпив пивка, литра эдак три-четыре – как ни странно, выпить я мог очень много, и даже не падал с ног, только потом блевал с похмелья и долго болел.

Читал про это в сети – типа – особенности организма такие, мол, мои тела долго сопротивляются отравлению алкоголем, не пьянею поэтому, но потом наступает возмездие...трясёт и колбасит по-полной.

Не знаете, что такое вертолёт? Тогда расскажу – это когда вы ложитесь в постель, закрываете глаза, а кровать встаёт вертикально и начинает вращаться, всё ускоряя и ускоряя движение, пока не наступает разрядка – в тазик рядом с кроватью.

Брррр...как подумаешь – так дурно делается...вот как сейчас, под этим здоровенным деревом.

Деревом? Это что за нахрен дерево?! Его высота не меньше, чем метров двести! Это на Глязьме-то? Да там выше чем осина дерева нет! А на той осине даже Иуда бы не повесился, так как она сразу бы сломалась пополам!

Я приподнялся, сел, опираясь спиной на корявый ствол дерева-гиганта, и осмотрелся – впереди зеленела гладь то ли болота, то ли пруда, с затянутой огромными зелёными листьями какого-то плавающего растения поверхностью, вокруг, в неяром зеленоватом свете, пробивавшимся через густые кроны деревьев, стояли и лежали множество красивейших ярких цветов – если бы не болела башка и не хотелось бы поплевать, я б залюбовался такой невиданной красотой.

В воздухе носилось множество насекомых – или птиц? Я не мог понять, птицы это или насекомые, потому, что размером они были с кулак и больше, сверкали всеми цветами ра-

дуги, гудели как шмели, стрекотали, как кузнечики, пищали и вопили.

Один из этих ярких, изумрудно-зелёных существ, нацелился на венчик красивейшего цветка, диаметром с крупный подсолнух, завис над ним – видимо пытаюсь напиться нектара. Я протёр свои заляпанные грязью очки, потирая их об толстовку, надел, и вздрогнул – цветок неожиданно ожил и со слышным даже отсюда хлопком – как будто ребёнок хлопнул в ладошки – схватил этого любителя сладкого, и замер, сжавшись в тугой красный комок.

Оп-па! – подумал я – так это что-то вроде росянки? Я о такой пакости и не слыхивал! Здоровенный какой цветочек...похоже я где-то в джунглях – Южная Америка, или Африка?

А как же я тут оказался? Меня напоили, усадили в самолёт с Рязановым и заслали в джунгли южной Америки?

Фу! Бред какой...

А это – не бред? Вот эти хищные цветы, размером с тарелку, вот эти деревья, высотой с Эмпайр Стейт Билдинг, эти летающие светофоры – не бред?!

Похоже, что не бред... Явно, не пригородный лес...

Как я тут оказался? Итак: мы жрали, пили, скакали, визжали, потом я собрался в кустах охватить любовью девчонку – Катю Миханькову, ну, типа трахнуть её, пока она поддаренькая и благосклонная (я слышал, что в подпитии она всегда благосклонная, но никак не удосуживался проверить), и

мы полезли в кусты подальше от всех.

Катька шла неохотно, приговаривая, что пока мы тут ползаем, там весь шашлык кладовщики сожрут – они парни прожорливые и бесстыжие, однако всё-таки пошла со мной. Вернее потащилась – всё-таки мои сто килограммов и энергия желания, подогретая алкоголем и двухнедельным воздержанием, делали чудеса.

Я пёр сквозь заросли крапивы и смородины как танк, остановившись лишь на небольшой полянке, покрытой слоем прошлогодней травы и новой травкой, пробивавшейся сквозь этот войлочный слой. Прижав к себе податливую, пахнущую водкой и шашлыком Катьку, я впился в её губы, не обращая внимания на попискивания: *«Вот ты сильный какой, настоящий медведь! Кто бы подумал! Осторожнее! Лифчик порвёшь, зараза, он стоит столько, сколько ты ни фига не зарабатываешь! Да не рви, скотина! Я сама сниму их! Тьфу, связалась с озабоченным пацаном! Ой! Что это?! Да стой, ты, болван – глянь – шаровая молния, что ли? Да чёрт, остановись ты, отстань!»*

Она пихнула меня в грудь кулаками, тяжело дышащего и стоящего уже со спущенными штанами и с удивлением и испугом вперилась во что-то за моей спиной.

Я с досадой натянул на чресла слаксы и с неудовольствием повернулся, чтобы рассмотреть эту погань, которая помещала воссоединению разнополых менеджеров великой фирмы «АРРО». Было желание просто разорвать эту помеху – ви-

димо, спермотоксикоз, вкупе с алкоголем сделали из меня берсерка – но рвать оказалось некого. Более того – объект, который появился, совсем не вызывал желания находиться с ним рядом.

Я не понимал, что это было – на шаровую молнию точно не похоже, ну, как их описывают в литературе и рисуют на картинках. Впрочем – я ещё ни одной не видал за свою жизнь, так что сказать ничего по их реальному виду не могу. В общем – это был шар с зеркальной поверхностью, в которой отражались наши искажённые и глупые лица. Он переливался радугой, сверкал, и был настолько чужд и по виду, и по атмосфере чего-то неуловимо неземного, что становилось ясно – эта штука совсем не с Земли, не из этого мира.

Потом я долго думал – что же это такое было? Спрашивал учёных, мудрецов, никто так и не смог дать мне ответа, дать определение – что это такое могло быть. После многолетних размышлений, я пришёл к выводу, что два мира, наш, и Машрум, каким-то образом соприкоснулись, как будто произошёл сбой (В чём сбой? Да кто же знает! Я же компьютерщик, так что могу только размышлять как менеджер по продаже «железа» – сбой, и всё тут!).

В общем – образовался пространственный пузырь, дырка, и в тот самый момент, когда я уже был близок к великой цели этого дня – сексу с Катькой.

Следующим шагом моим стал героический подвиг – типа, спасение прекрасной дамы. Если быть честным – эта «дама»

стояла на пути моего спасения, в противоположной стороне от этого хренова пузыря полутора метров в диаметре, который не так уж и медленно двигался в нашу сторону с явно недобрыми намерениями, и чтобы спастись, мне надо было в первую очередь преодолеть барьер из стоящей как истукан с открытым ртом Катьки, прижавшей скомканный лифчик к голой груди. Я задержался на долю секунды, толкнул Катюку вперёд, послав её вперед по ходу движения как мяч для регби (вроде он называется дыня?). Этой доли секунды и хватило, чтобы сфера коснулась моей спины.

Меня завертело, закружило, как кровать-вертолёт после попойки, и я потерял сознание.

В общем – похоже, что я сейчас совсем не в Южной Америке, и не в Африке, а... даже боюсь себе сознаться, где я мог оказаться.

Конечно, я прочитал множество книг про попаданцев, про великих магов и воинов, каковыми становились, по определению, все земляне, попадавшие в параллельные миры, но что-то как-то не чувствовал в себе великих магических сил. Всё, что сейчас чувствовал – это то, что какая-то тварь ползёт мне по ноге, что в шею впивается кусок коры дерева-великана, а в руку...АЙ!

Тварь мерзкая! Я раздавил на руке здорового комара, величиной с фалангу пальца, раздувшегося от моей крови. Кровь брызнула, залила мне запястье, и на него с жужжанием, похожим на звук вентилятора бросилось ещё несколько

этих тварей, привлечённых запахом крови. Я яростно зама-
хал руками, разгоняя кровососов, сбил в полёте нескольких
гадов и увернувшись от жука величиной с мой кулак, тоже
собиравшегося полакомиться моей сладкой, вскормленной
на коле и бутербродах кровью, с наслаждением впечатал его
в ствол дерева-гиганта.

Видя, что дармоедов-кровососов становится всё больше,
я вскочил на ноги и помчался прочь от этого места, стара-
ясь выбирать дорогу посуше. Вскочил и побежал – сказано
громко, я с трудом поднялся, хромая и накренясь помчался,
как подбитый истребитель времён второй мировой войны.

Кровососы вроде как отстали, а сердце моё норовило вы-
прыгнуть из груди, когда я, неожиданно, наткнулся на тех,
кто, собственно, и владел этим миром – передо мной стояли
три человека – выше меня ростом, черноволосые, похожие
то ли на тайцев, то ли на японцев, то ли на индейцев майя.
Они ошеломлённо смотрели на меня, как бы не веря своим
глазам. Это и понятно – я бы тоже не поверил своему зре-
нию, если бы возле речки Глязьмы встретил человека в на-
бедренной повязке, шлеме, в панцире и с копьём в руках.

Я остановился, тяжело дыша, и в голове мелькнула дурац-
кая мысль – а может они сейчас брякнутся на колени, с кри-
ками: «*Кетцалькоатль! Кетцалькоатль!*» Вот было бы здо-
рово! И решило много, очень много проблем.

Однако, я всегда был неудачлив – когда шёл в школу и ме-
ня обдавал грязью проезжающий автомобиль, и когда разби-

вал папину вазу «За ударный труд», и когда вместо Катькиной тёплой вагины получал болезненный портал между мирами. В общем, один из типов отдал резкий отрывистый приказ и второй, тот, который с копьём, врезал оным мне прямиком по тому месту, которое ранее вроде как прельщало любительницу пьяного секса Катьку.

Я выругался матом и свалился на землю, задыхаясь от боли и скорчившись, как зародыш в животе матери. Эти придурки засмеялись, один из них сказал что-то, видимо очень весёлое, в мой адрес, после чего они засмеялись ещё громче. Затем, тот, у которого на поясе я заметил что-то вроде длинного ножа, или меча, подошёл ко мне, схватил за волосы и оттянув голову назад приложил к шее лезвие своего мачете или как его там называют – с очевидной целью лишить меня любимого вместилища разума.

Так бы оно и случилось, если бы их командир не прикрикнул на него, остановив глумление, и не подошёл ко мне поближе. Он осмотрел моё многострадальное тело, пнул его в бок и что-то сказал. Я ничего не понял. Тогда второй опять схватил меня за волосы и потащил вверх, после чего я волей-неволей вынужден был подняться на колени, а потом на ноги.

Со стороны, наверное, это выглядело комично – этаким микро Пьер Безухов стоял на цыпочках перед возвышающимся как гора смуглым худым дикарём, держащим его за хвостик длинных волос.

Надо сказать, волосы свои я отрастил довольно-таки большой длины, так, что они легко складывались в хвостик – такой же, как у пленивших меня солдафонов (А кто же ещё они были, если обвешаны оружием и ведут себя как солдафоны?).

Предводитель что-то с презрением сказал, и держащий меня солдат взмахнул своим мечом. Ну, тут я решил – мне конец! Однако, конец наступил только моему длинному хвосту из волос, полетевшему в грязную лужу. Мои волосы рассыпались, и некоторое время я ничего не видел... до тех пор, пока не лишился остатков волос, срезанных почти под корень злобным «парикмахером». Процедура стрижки завершилась минут через пять – я не видел себя в зеркале, однако справедливо предположил, что зрелище это было жалкое и отвратительное...

Меня ткнули в спину древком копья, и я зашагал вперёд, сопровождаемый смехом и болтовней мучителей. Прислушиваясь к разговорам, пытался понять – что за язык, есть ли какие-то знакомые выражения или фразы – ведь я много читал о том, что параллельные миры время от времени сообщаются между собой, так что может и здешние народы как-то роднятся с теми, что были и есть на Земле. Я знал английский язык, ещё изучал немецкий и испанский – так, по приколу, чтобы материть противника в ролевой игре на их родном языке, вот теперь подсознательно и искал знакомые слова в речи пленителей. Но увы – язык был совершенно мне

незнаком.

Через полчаса ходьбы по еле заметной тропинке, мы вышли к опушке леса, за которой был виден лагерь, наподобие концентрационного, или же просто зоны, каких много на севере. Эдакий ГУЛАГ – присутствовало всё – вышки, солдаты на них, ворота, высокие заборы и толпы заключённых.

Впрочем – не сказал чтобы толпы – лагерь был огромным, но заключённых не очень много. Те, что там были – что-то перетаскивали, перекачивали, сустились – обнажённые, только лишь в набедренных повязках, смуглые... и не очень.

С удивлением я увидел там некоторое количество людей, смахивающих на меня – русоволосые, довольно высокие, с более бледной кожей, не от природы тёмной, а загоревшей на солнце.

Наша странная процессия заинтересовала всех – заключённые (Или рабы? Скорее всего рабы, какие к чёрту заключённые...) остановились и заморожено смотрели на нас. Мои сопровождающие гордо и надменно прошли мимо обнаженных работяг, подталкивая меня вперёд пинками и тычками, и остановились перед высоким смуглым мужчиной, в украшенных цветными стекляшками (или настоящими драгоценными камнями?) странных доспехах.

Он отрывисто бросил какую-то фразу – видимо спросил: *«Что за чуело вы привели?»* Старший ответил, начальник пренебрежительно сплюнул, кивнув на меня, старший опять в чём-то стал убеждать и подтолкнул меня к лежавшему ря-

дом бревну, толщиной сантиметров тридцать, показывая жестами – подними мол, и на плечо! Подумав немного, я решил – лучше бревно на плечо, чем меч по шее, подошёл к бревну, поднял его, и взвалил на себя. Все вокруг радостно закричали, старший развёл руками, как дрессировщик на арене, а главный ухмыльнулся, хмыкнул, что-то сказал, кивнул головой. Похоже, что меня продали?

Старший дал мне пинка, придавая направление движения, и я потащился в центр огромного периметра – видимо там было что-то вроде рабских казарм, или бараков заключённых – я так до конца не разобрался, кто есть ху.

Казарма оказалась длинным помещением, с сотнями, а может тысячами нар, сколоченных из грубо обработанных досок. На нарах лежали тюфяки, вероятно набитые соломой. Одежд, похоже, не полагалось – да и какие одежды в такую жару – температура приближалась к тридцати градусам, понятно теперь, почему тут все бегают голышом.

Возле входа вытянулись столбами с десятков обитателей казармы – то ли дежурных, то ли постоянных, таких завхозов, и старший что-то приказал им, после чего двое сорвались с места и побежали вглубь помещения. Мне же, опять же, жестами, было приказано раздеться догола, что я и сделал, под заинтересованными взглядами рабов.

Всё, что я снял, тут же было реквизировано старшим воином. Так-то мне было наплевать – если забыть о том, что он забрал и очки, а без этих стёклышек я был практически

беспомощен – видел вдаль не дальше десяти метров – вернее видел, но без деталей – туманные фигуры и всё.

Убежавшие в даль рабы прибежали, держа в руках какие-то тряпки, при ближайшем рассмотрении оказавшиеся набедренной повязкой, такой как и у них, только ещё более затрёпанной. Впрочем – повязку скорее всего хоть плохонько, но стирали – по крайней мере она вроде как не воняла.

Я стал прилаживать к себе эту повязку, но долго не мог понять – как же она крепится и как её наматывать, потом сообразил – это просто два болтающихся спереди и сзади куска ткани, никак не скрепляющихся между собой, и соединённых верёвочкой, завязываемой на поясе. Почему-то я думал, что эти куски ещё и снизу, между ног крепятся или завязываются, чтобы любой ветерок не мог обнажить то, что нравилось моей подруге. Однако, нет – просто тряпочки на бёдрах, и больше ничего.

Старший хмыкнул, глядя на мои потуги одеться и вышел из казармы. Я остался один, если не считать десятка туземцев, дружелюбно и не очень взирающих на меня со всех сторон. Один из них, видимо казарменный старшина, махнул мне рукой – следуй за мной – и пошёл вдоль барака.

Скоро я узнал, что моё место, не так чтобы уж совсем у параша, но и не очень-то далеко от оной...в общем, фигурально, мне сразу указали, что моё место в этом мире очень, очень низко, ниже первой ступени в социальной лестнице.

Моя лежанка была на третьем ярусе, где довольно жарко

и душно – казармы вентилировались воздухом из дверных проёмов, и естественно – горячий спертый воздух поднимался вверх. Само собой, скорее всего все верхние места занимали самые слабые и униженные в социальном отношении типы, к коим сразу причислили и такого увальня, как я.

Я горько усмехнулся – придётся пробиваться с самых низов, раз сюда попал. И первое, с чего надо будет начать – язык. Без языка нет информации, а без информации – гибель. Что-что, а это я понимал, как никто другой – всё-таки компьютерщик, как-никак. Жаль только, что не спецназовец, и не боксёр, и не...

Да мало ли ещё кто «НЕ» – надо использовать то, что даровала мне природа, а именно – силу. Я совсем не был слабаком, хотя и испытывал отвращение к физкультуре, крепкий костяк достался мне от прадеда-кузнеца, в юности даже уговаривали идти в борьбу, классическую или вольную, но я отказывался. Лень было...

Лёжа на своей убогой лежанке на третьем ярусе, под самой крышей, я размышлял обо всём, что со мной произошло, и пока не находил в своих действиях ошибки – пока что всё было сделано правильно – я жив, здоров, ну а дальше уже посмотрим как жить.

Кое-что мне казалось странным: я очень легко залез на своё место на полке, а эта демонстрация с бревном, которое я поднял – как-то я очень легко его поднял, даже для моей недюжинной силы. Мозг напряжённо поработал, и выдал

результат – сила тяжести на этой планете была минимум на сорок процентов меньше, чем на Земле! Потому я двигался тут быстрее, и был гораздо сильнее аборигенов!

Кстати – я не видел у них ни одного толстого человека – или генотип у них был такой, или условия жизни, но что есть, то есть – толстых совсем не было. То-то они с отвращением взирали на мои тела – с их точки зрения я был совершеннейшим уродом...с моей точки зрения – тоже. Никогда не считал себя красавцем...

Итак: по меркам туземцев я силен как медведь, и являюсь очень выгодным приобретением. Есть ли шанс у меня выбраться из этих казарм, стать свободным, подняться наверх по социальной лестнице общества? Да кто знает...может они как-то выкупают сами себя, или же отрабатывают, да мало ли какие существуют у них законы – узнаю язык, сам всё точно выясню.

Незаметно уснул, и когда услышал сквозь сон звонкие удары – будто кто-то бил в тамтам, или во что-то подобное, то решил, что слышу передачу из телевизора. Затем опомнился – какой телевизор? Жёсткие нары, колючий, видимо, наполненный соломой тюфяк, духота под потолком – я в чёртовом чужом мире!

Меня кто-то дёрнул за ногу – спускайся, мол! Я спрыгнул вниз, едва не подвернув ногу (чёртова менеджерская неуклюжесть!) – и увидел, что в казарму втягиваются толпы узников – разного возраста, разной комплекции, с зубами и без

зубов, со шрамами и без, чёрные и русые, седые и рыжие – кого только тут не было...

Не было только такого придурка, как я – это было сразу видно по тому, как воззрились на меня большинство из вошедших. Впрочем – скорее всего мне показалось. Большинству, основной массе пришедших с работы насмерть усталых рабов было глубоко наплевать, что в бараке добавился какой-то толстый белый коротышка.

Однако как оказалось, части народа хотелось зрелищ и развлечений, и они их получили.

Обступив меня, мужчины хохотали, что-то бормотали, щипали, трогали, дёргали за остатки волос, хватали за нос, пока я не разозлился и не прикрикнул:

– Пошли вон отсюда, уроды!

Это ещё больше развеселило окружающих, и они начали веселиться еще более глумливо – один задрал мне повязку сзади и погладил мой зад с ужимками и ухмылкой, открыто отображая свои гнусные намерения. Этого я уж не выдержал, схватил ублюдка и оттолкнул его от себя. Он пролетел по воздуху метров пять, и ударился головой о столб, поддерживающий крышу барака, где и остался лежать, изображая грязную кучу тряпья.

«Что-то я не рассчитал – хлипковаты они тут!» – запоздало подумал я – *«А ведь все выше меня, на голову! Сила тяжести, да, что же ещё. По ходу дела – я попал...»*.

Толпа взирала на меня с неодобрением и угрозой, придви-

гаясь всё ближе и ближе — может я какого-то их авторитета зашиб? Так я-то откуда знаю, авторитет он или не авторитет? Нехрена было меня за задницу хватать, что я им, баба, что ли?

Поднялся крик, и на меня бросились сразу трое — один ударил в лицо, другие повисли на спине, пытаясь завалить на пол.

Да хренушки вам, доходяги! Я заревел аки медведь из берлоги, схватил одного из повисших и метнул его следом за угасшим первым придурком, потом второго.

Третий, который бил меня в лицо, тоже неосмотрительно оказался в пределах досягаемости моих загребущих мангерских рук и за что и поплатился: любишь бить в лицо? На! Я зажал его голову в подмышку и долбал кулаком в нос, в глаз, в губы — в общем, куда попало — пока тот не залился кровью и не обмяк у меня в руках неподвижным кулем.

С удовлетворением отметил, что кровь у них тоже красная. Почему-то, подсознательно я ожидал, что кровь окажется голубой или зелёной — ну, инопланетяне же.

Вот теперь мне пришлось совсем туго — толпа, человек двадцать, взревев бросилась на меня, видимо горя желанием отомстить за поругание местных авторитетов, а может, всего лишь боясь их гнева за то, что стояли и смотрели как их безнаказанно избивают. В общем, меня просто задавили телами и теперь я ворочался под грудой организмов, придушенный и пытающийся уберечь свои правильные нордические фор-

мы лица от пинков, укусов и царапаний. Паре человек я точно сломал руки и ноги, в ярости пытаюсь продать свою никчёмную жизнь как можно дороже, раз так уж мерзко случилось.

Это буйство плоти прервал наряд охранников, обходящий казармы – слышались тонкие пронзительные свистки дудок, набежала куча солдат и палками, древками копий и мечами, которыми били плоской стороной разогнали толпу.

На полу остались только покалеченные мной агрессоры, да я, залитый кровью, ободранный, искусанный и побитый. Сознания я не потерял, а после лёгкого самоосмотра обнаружил, что повреждения, нанесённые моему телу не очень велики – не больше, чем в обычной мальчишеской земной драке.

Усмехнулся – всё-таки, как классический попаданец, имею преимущество перед аборигенами – ну не маг я, да, и не спецназер, но силы и крепости плоти мне не занимать!

Заметив мою ухмылку, старший наряда со всей дури врезал мне палкой по спине так, что я сразу забыл про своё великое преимущество цивилизатора над диким народом и завопил диким голосом – АААА! Честно скажу, это было ужасно больно!

Старший, не обращая внимания на мои вопли, стал спрашивать дежурных барака, что здесь произошло, потом осмотрел лежащих – первый, зашибленный мной охальник, так и лежал с открытыми глазами возле столба – похоже он

свернул себе шею при ударе о столб. Старший отдал распоряжения – раненых подхватили и понесли из барака, а меня пинками погнали вперёд, через всё поле лагеря, опять – к командному пункту.

Недовольный начальник лагеря вышел из своего помещения, жуя на ходу кусок мяса – похоже я оторвал его от обеда, и это совсем не добавляло ему хорошего настроения. Он выслушал объяснения, угрожающе взглянул на меня, прищурился и что-то коротко выкрикнул, тут же повернувшись и забыв о моём существовании. Если сравнить бифштекс и толстого белого увальня по степени важности – конечно, приоритет за бифштексом, в соотношении один к пяти миллионам.

Меня повели к помосту, возле которого были разложены совсем неприятные на вид предметы – кнуты, плётки, палки. Я понял – сейчас будет очень больно и несправедливо – я же не нападал на этих уродов! Я не приставал к ним, не издевался, почему я должен получить наказание? Этот тип сломал себе шею – и что? Это же случайность!

Но нет в мире справедливости – это подтвердил один из охранников, разведя руками и произнеся длинную фразу – видимо, что-то вроде – мы тут ни при чём, это начальник велел!

Длинная скамья, на которой вероятно можно было наказывать сразу по несколько человек была покрыта засохшей кровью пахнущей сладким тленом. Лежать на ней было

страшно так, что я чуть не описался, но сдержался – не пристало земному человеку проявлять слабость перед гнусными дикарями!

Эта мысль вылетела у меня с первым ударом кнута – я визжал, орал, мочился под себя, блевал, заливался кровью, пока наконец благословенная тьма не накрыла меня спасительным покровом.

Очнулся я в темноте, в неизвестном месте – первое же движение причинило мне такую боль, что в голове заплясали красные искры – что теперь было с моей спиной, я не знал, но подозревал, что ничего хорошего там не было. Хуже того – если судить по тому, что я знал о тропических странах, жить мне оставалось максимум неделю – пока бактерии, попавшие в мои открытые раны, не сделают окончательно своё гнусное дело и с большим аппетитом сожрут мой организм изнутри. В тропиках любая царапина может привести к фатальному результату, а тут – превращённая в отбивную, исполосованная до мяса спина.

Вот тебе и съездил на пикничок – горько подумал я, и слёзы сами собой закапали у меня из глаз. Прежняя моя жизнь менеджера по продажам теперь казалась мне райской, невозможно-недостижимой...

Ночь прошла страшно, мучительно, утро тоже не прибавило оптимизма и радости – я находился в небольшом бараке с закрытыми деревянными решётками окнами и дверями – похоже, это была тюремная больница, или штрафной

изолятор, а может всё это вместе взятое.

В бараке находилось несколько десятков людей – и больных, и не очень. Разглядывать содержимое барака мне было некогда – надо было скорее подышать, и этим занятием я был сосредоточенно и активно увлечён.

Меня трясло, лихорадило так, что я чуть не подпрыгивал на месте, спину дёргало, как раскаленным железом, руки и ноги сводило судорогой – осознание того, что мне конец, пришло ещё ночью, так что, не удивительно, что я равнодушно встретил приход того, кто давал здоровье больным в этом мире – как его назвать? Врач? Хммм...можно и врач. Но, скорее, шаман – если у человека в носу торчит костомаха, а уши оттягивают здоровенные чёрные каменюки, каким-то образом вставленные в мочки – как его ещё назвать? Его тело покрывали разнообразные татуировки, изображавшие непонятных зверей, и людей, в процессе охоты – то ли человека на этих зверей, то ли зверюг на человека.

Шаман внимательно осмотрел меня, слушая объяснения окружающих, потом задал мне какой-то вопрос, на который я мудро ответил:

– Пошёл нахрен, скотина, дай сдохнуть спокойно, уродина татуированная!

Видимо шаман услышал то, что хотел, удовлетворённо кивнул, и сделал знак рукой, достав из мешка за спиной кувшинчик с каким-то резко пахнущим содержимым. На меня набросились сразу четверо узников, прижимая к лежан-

ке, а шаман приступил к намазыванию спине вонючей зелёной констистенции, похожей на слизь. Меня можно было и не держать, потому что я после первых прикосновений потерял сознание от боли, и очнулся только тогда, когда в глотку мне полилась горькая пахучая жидкость. Я захлёбывался, но глотал – деваться было некуда – нос зажали. После того, как было выпито, по моим ощущениям, не менее литра этой гадости, на меня навалилась усталость и я снова провалился в забытие – наверное, жидкость содержала что-то одурманивающее.

В таком наркотическом дурмане прошла неделя – я просыпался, мне вливали жидкость – иногда горькую, как в первый раз, иногда что-то питательное – вероятно густой бульон, или жидкую кашу – я спал, опять спал, снова спал... в общем вёл нормальную спокойную растительную жизнь. Спина уже болела не так сильно, вероятно зажила, и я мог спать не только на животе и на боку, но и на спине.

Наконец, мне перестали вливать горький отвар, и настал день, когда я спустил ноги с лежанки и попытался сесть.

Голова кружилась, меня «штормило», но я удержался, поморгал глазами и постарался сфокусироваться. Всё, что я видел перед собой чётко – двухъярусные лежанки, столбы опор, тюфяки – в общем, тот же набор, что и в большой казарме, только размер помещения поменьше. Хотя – я же не видел далеко, возможно, что помещение было гораздо больше...

Рядом со мной кто-то сел на нары, я повернул голову –

возле меня сидел высокий, тонкий мужчина лет тридцати-тридцати пяти, в такой же набедренной повязке как у меня, с небольшой курчавой бородой на длинном лице. Его смуглая кожа отдавала лёгкой краснотой, как у индейцев, а большие, миндалевидные глаза внимательно смотрели на меня.

– Анам ту катан марак? – спросил меня мужчина.

– Не понимаю! – хрипло ответил я.

Мужчина досадливо поморщился, приложил к груди руку и сказал:

– Аркан.

Потом приложил руку к моей груди и изобразил всем лицом вопрос:

– Ту?

– Василий.

– Василай? Василай? – повторил мужчина.

– Василий! – кивнул я.

– Василай! – удовлетворённо сказал мужчина.

Дальше всё пошло по накатанной – Аркан показывал мне рукой предметы, части тела и всё, что нас окружало и называл их на языке этого мира. Я старался повторить и запомнить – шло довольно туго – объём информации был слишком велик, да и состояние моего здоровья всё ещё оставляло желать лучшего. К вечеру я уже мог оперировать парой десятков слов, таких как «идти», «есть», «пить». Кстати сказать – жрать я хотел, как из ружья – неделя питания одной

кашицей, да и сжигающая жир лихорадка – тут поневоле захочешь есть. Я даже в весе убавил – ну не так, чтобы очень, но килограмм десять точно сбросил, и были подозрения, почти уверенность, что толстеть мне тут не дадут.

Аркан притащил глиняную миску с кашей, лепёшку, глиняную кружку с водой, и я стал захлёб пожирать густую, пахнущую мясом массу, мало заботясь о её вкусе и происхождении. ТАК я ещё никогда не был голоден. Ну – хотелось иногда крепко покушать – после гуляния, или в обед на работе, но чтобы вот так, такой, всепоглощающий, шипучий голод – никогда в жизни!

Запив всё тёплой, отдающей тиной водой из глиняной кружки, я снова плюхнулся на лежанку, исчерпав крохотный остаток сил. В животе бурчала каша, а в голове, сквозь сонный туман, мелькали мысли: как быть дальше? Как выжить?

Но эти мысли были отодвинуты одной – вначале надо подняться на ноги, поздороветь, получить информацию о мире, а там уже посмотрим. Всё-таки мои предки были казаками с Дона, неужели я посрамлю их память и дам себя убить каким-то туземцам?

Внутри меня вспыхнула ярость и я решил – выживу, во что бы то ни стало выживу! И пусть берегутся те, кто будет мешать мне в этом!

Скоро я узнал, чем занимались люди, уходя в лес. Хотя и так было ясно – ну, чем еще можно заниматься в лесу?

Вырубкой, конечно. Вот только шла эта рубка мучительно и медленно – у них не было стальных инструментов. Да и вообще не было металлических инструментов! Весь металл, что я на них видел, был употреблён в виде украшений – медные пластинки, золото, и... всё. Железа не видал ни разу. А как же мечи? А мечи тоже были деревянными – из какой-то породы сверхтвёрдого дерева, острые, как настоящие, стальные.

На моих глаза охранник разрубил голову зверьку, напоминающему небольшую свинью, неожиданно выскочившему на него из зарослей кустарника (потом он весь день жарил её на костре и обжирался, радостно гогоча со своими товарищами-солдатами).

В общем – топоры и пилы были сделаны из камня. Вернее так – топоры каменные, с деревянными рукоятями, пилы – зубья каменные, полотно деревянное.

Впрочем – пилы применялись редко, хотя и имелись в наличии. Видимо, их использование было не слишком практичным. Хрупки. Я видел, что их применяли только раз пять – когда рубили особое пахучее дерево, с ярко-жёлтой древесиной. Оно было очень мягким и рыхлым. Вот его ещё можно было как-то пилить, всё остальное тупо срубалось каменными топорами, по кусочку, по волоконцу подгрызая лесных великанов. Затем эти стволы тем же варварским и медленным способом разделявали на доски – клиньями, потом обтёсывали и получали готовые доски, увозимые воло-

кушами в лагерь. Куда они девались потом? Ясно дело – куда-то в города, селения, в общем – кому надо, тому и отвезут.

Узнал, кто я тут есть, и зачем я тут. Тут я, чтобы до конца жизни рубить деревья, делать из них доски, и зовут меня Белый Василай, или просто Белый, или просто Вас. Я раб Его Великолепия Слуги Ока Машрума Сантанадапия, Первого Советника Каралтана, а проще – рабочий скот советника Каралтана, ни больше, и не меньше.

В сравнении с условиями на других деревообрабатывающих предприятиях этой планеты, условия в лагере Каралтана были ещё вполне щадящими, даже со своими понятиями о справедливости – ведь меня за убийство и порчу имущества Каралтана не кастрировали и не посадили на кол, как это делалось у других хозяев, а только лишь высекли кнутом. То, что я выжил совершеннейшим чудом – это никого не волнует, не сдох же? Вот и радуйся!

Как мне рассказали, на моё счастье, в лагерь завернул известный шаман, который направлялся к соседнему помещику для лечения его беременной жены – он остановился на отдых в лагере, у начальника, и пожелал испытать своё новое снадобье на каком-нибудь подышающем от ран рабе – вот его и привели ко мне. Шаман заинтересовался странным пациентом и оставил запас снадобья для моего лечения. Если бы не его академический интерес – я бы подох на месте. Шаман обещал заглянуть в лагерь через месяца два-три – посмотреть, выжил я или нет.

На работе в лесу я оказался уже через дней десять после порки – раны зажили, силы, потихоньку, восстановились, так что разлёживаться мне не дали.

Штрафной барак оказался более дружелюбным, чем общий – ни наездов, и издевательств в мой адрес никаких не было. А может они помнили, как закончил первый из тех, кто захотел надо мной подшутить?

Мы ходили связанные по десять человек одной верёвкой – типа, командой. Подъём с рассветом, завтрак – миска каши, лепёшка, вода, потом связывают команды по десять человек, и в лес. До обеда долбим по стволам деревьев, в обед едим похлёбку с мясом, фрукты, неизменную лепёшку – их привозили на чём-то вроде волокуш, в деревянных котлах – потом до вечера опять долбим деревья, и так каждый день, каждый день, каждый день... за вычетом одного дня в неделю. В этот день мы занимались уборкой лагеря, стиркой своих нехитрых пожитков и отдыхом.

Не могу сказать, что кормили нас плохо – рачительный хозяин заботится о своей скотине. Не будешь кормить – передохнут, а рабы стоят денег – надо отправлять экспедиции в леса на отлов рабов, надо покупать их на рынке, надо отправлять длительные экспедиции через море за живым товаром. Проще этих содержать более гуманно и нормально кормить.

Через месяц я уже сносно общался со своими товарищами по несчастью – метод погружения всегда способствовал быстрейшему изучению языка. Жрать захочешь – на любом

языке залопочешь. Язык Машрума напоминал что-то вроде смеси языка ацтеков и суахили – это я могу утверждать с полной ответственностью, так как поймать меня на вранье некому – ни одного землянина на этой планете больше не было. Языка ацтеков и суахили я не знал никогда, да и знать их не хочу, а вот язык Машрума выучить пришлось.

В штрафном бараке содержались все, чьё поведение вызвало опасение, но, однако, убивать их было непрактично – как правило, бунтари были сильные, крепкие рабы, и что с того, что они постоянно хотят кого-то прибить или сбежать на волю? На то и есть солдаты, чтобы следить за порядком, иначе – за что они жалование получают?

Некоторые из моих «коллег» пробовали бежать по три-четыре раза – но эти были так сильно покалечены, что жить им помогала только их нестигаемая вера в освобождение и ненависть к хозяевам – они лелеяли мечту вырваться и поотрезать башки всем солдатам и охранникам лагеря, а также работоторговцам, которые их силой и обманом сюда затолкали.

Выяснил я устройство этого мира – ну насколько мог. Итак: мир назывался Машрум – что в переводе... правильно! Мир!

Материк, на котором я сейчас отбывал срок за свою похотливость (не побегал бы в кусты с Каткой, не получил бы бед!), назывался Арканак – так же называлось и государство, в котором я имел честь быть рабом. Во главе его, в настоящий момент, был Око Машрума Сантанадапия – что-то

вроде императора, или султана. В тонкости я не вдавался, но было понятно, что Арканакком управляют несколько знатных семейств – около пятидесяти, из числа которых и выбирают Око Машрума. Название громкое, но на самом деле, это что-то вроде президента, выборного – правда пожизненно, а семейства – не что иное, как прототип парламента. Каждое имеет там один голос, а место передаётся по наследству.

Какой-то кастовой системы я не уловил – в принципе, каждый мог стать и жрецом, и солдатом – по мере сил и ума, а также наличия денег.

В остальном – и какие-то законы были, и жизнь шла, вот только одно «но» – вся система была построена на труде рабов, которых тащили откуда придётся – ловили прохожих, нападали на другие страны, обращали в рабов заключённых, разводили рабов, как скот, в общем – обыкновенный и незамысловатый рабовладельческий строй. Металлы тут были огромной ценностью, то-то они набросились на мои очки – дужки-то металлические! Я столько не стоил, как раб, сколько стоили мои очки.

Товарные отношения были или обменом чего-то на что-то, или же ходили деньги, сделанные из раковин, с вырезанными на них значками, изображавшими номинал монеты.

Как-то я спросил своего напарника, во время обеда – а почему никто не наладит производство этих денег – так ведь просто – сиди, и вырезай эти монетки из раковин, другой работы и не надо! И ты богач! Он посмотрел на меня, как

на умалишённого – во-первых, так и делают особо отчаянные люди, но если их ловят – а в конце концов их всё равно ловят – то самое меньшее, что делают – кастрируют и сажают на кол. Самое большее – тут уже, вариантов много, и все какие-то неприятные, и главное – невероятно болезненные (описание этих способов умерщвления я опускаю – в виду их особой мерзости).

Изготовление денег – прерогатива государства, и никто, сам по себе, не может их производить. Этим мой мир и Машрум ничем не отличались – кроме способов наказания фальшивомонетчиков.

Были и металлические деньги – золотые и серебряные, но они ходили только у очень богатых людей и отличались огромным номиналом – за сотню золотых монет можно было купить целое поместье с сотнями гектаров земли и несколькими сотнями рабов. Сами золотые монеты при этом были размером не больше ногтя большого пальца. То есть одна золотая монета стоила сто тысяч монет из раковины.

Ходили легенды о металлическом оружии – обычно оно было у эпических героев, и скорее всего было просто легендой. В быту применялись или деревянные, или кожаные мечи, ножи и кинжалы.

Я вначале удивился – как это, кожаные мечи?! Оказалось – эти мечи делались из специальной, особо выделанной кожи, которая проклеивалась смолами некоторых деревьев, растущих в глубине джунглей – смола проходила после про-

клейки термообработку, и в результате заточки получались острейшие мечи, крепостью не уступавшие мечам из железного дерева, но только более лёгкие и острые. Доспехи тоже были деревянными – из пластин растения вроде бамбука. Пластины, сделанные из этого дерева, так же проклеивались, а потом соединялись ремешками – я прикидывал, и выходило, что эти доспехи должны были быть очень, очень эффективны против деревянных мечей.

Главный вопрос, который меня интересовал – есть ли у меня шансы вообще освободиться от рабства, стать полноценным, свободным гражданином? Оказалось, что у такого как я, шансов практически нет – меня никто не выкупит, не обменяет на своего друга или родственника, сам я не могу выкупиться, так что – или хозяин меня отпустит на все четыре стороны (а на черта это ему надо?), или же я сбегу, устройюсь где-то и начну свою жизнь сначала. Как я уже упоминал – некоторые бегали по три-четыре раза...

Вот в такой ситуации я и начал свою жизнь на планете Машрум...

Глава 2

Как-то вечером ко мне на лежанку подсел Аркан. Он начал издалека – спросил, как у меня самочувствие, как я втянулся к работе, не надо ли сменить солому в тюфяке... наконец, я не выдержал и спросил:

– Аркан, что случилось? Чего это я стал предметом такой повышенной заботы с твоей стороны? Что ты хочешь?

Завхоз помялся, потом выдавил:

– Не моё дело, но слышал я краем уха, что тебя хотят замочить – ты же убил их главаря, Таноаса, а он пользовался большим авторитетом. А еще – ты покалечил его помощников. Тебе надо остерегаться в лесу – в лагере они не решатся, а вот в лесу... в лесу – кто знает, откуда прилетит заострённая палка. Охранники не будут раздувать дело, если тебя грохнут – «упал на ветку и умер», вот и все. Иначе их накажут за то, что не уследили. И рабы не будут поднимать шум – им это тоже не надо. Сдадут убийц, да охранников, так те потом им припомнят, превратят жизнь в ад. В общем – будь внимательнее.

– А почему ты решил предупредить меня? – настороженно спросил я, всматриваясь в лицо барачного завхоза.

– Честно – сам не знаю – развёл руками Аркан – есть у тебе что-то такое, сам не могу понять. Есть у меня дар предвидения, от бабушки моей достался, шаманка она была, ино-

гда вижу будущее. Так вот – кажется мне, что наши с тобой судьбы связаны, и если ты умрёшь, мне тоже будет несладко. Хочешь верь, хочешь не верь...

– Скажи, Аркан, а в этом мире есть магия? Ну...есть люди, которые скажут какие-то слова, и совершаются какие-то действия – огонь загорается, или ещё что-то происходит? (Я уже сказал ранее Аркану, что очутился тут из другого мира – поверил он или нет, не знаю, но говорить о чём-то стало легче, можно было оправдать своё незнание простых вещей, известных каждому человеку Машрума)

– Есть, конечно – вот шаманы этим и занимаются. Только у нас это называется не магия, а шаманство. Только шаманство делается не с помощью слов – они как-то делают руками, глаза таращат, и...что-то случается...или не случается. Я с этим близко не сталкивался – меня ещё пацаном украли рабовладельцы и вывезли с соседнего материка, Арзума – экспедиция по поимке рабов на меня наткнулась, когда я шёл купаться вместе с остальными ребятами. Часть наши мужчины успели отбить, а меня уволокли на корабль – вот с тех пор тут и обитаю – уже двадцать с лишним лет. Так что, особой помощи я тебе в раскрытии секретов шаманизма не окажу – сам ничего не знаю. Не успела бабушка меня ничему обучить.

– Скажи, а ты не пробовал убежать отсюда?

– Тссс! – ни с кем не говори на эту тему – продадут нараз. Нет, не пробовал. А куда? Куда я побегу? У меня в этой

стране ни родни, ни друзей, куда мне бежать? Поймают сразу, спрятаться негде – ни денег, ни связей. Сейчас я уважаемый среди рабов человек – завхоз, в лес работать не хожу, по нашим меркам занимаю высокое положение. А если поймают – я лишусь своего места, буду лес валить. Да ещё и после сорока ударов палками – редко кто выдерживает и не умирает.

– Ладно. Вернёмся к главному вопросу – как мне избежать смерти от рук мстителей? Есть какая-то возможность? Может поговорить с ними – мол, я не виноват, это случайность?

Аркан изумлённо воззрился на меня:

– Ты что, правда такой наивный и глупый? Законов не знаешь? А! Ты же не из нашего мира, вспомнил – как глаза от тебя отведу, забываю, ты уже так лихо по-нашему говоришь. Итак, о законах: они обязаны отомстить за своего пахана, иначе потеряют уважение у остальных рабов и их перестанут уважать, они потеряют авторитет. Или они погибнут, или убьют тебя. Другого и не предвидится.

– Ты меня просто обрадовал – грустно усмехнулся я – значит, мне надо их всех убить? Или бежать. Только вот как я до них доберусь, когда я не знаю их лиц, не знаю, кто они, сколько их, я привязан верёвкой к девяти компаньонам.

– В общем, так: через неделю всех, по очереди, начнут отводить в соседний, женский лагерь для случки. И там...

– Для случки?! – поперхнулся и перебил я Аркана – какой такой случки? Как животных, да? Женский лагерь рядом?

– Не перебивай, слушай! – нахмурился Аркан – для случки, да. А ты думаешь, откуда рабы берутся? Не всех же ловят на улицах и в лесу... есть и наследственные рабы, и таких большинство. А как их еще разводить? Вот в два месяца раз рабов-мужчин и водят в женский лагерь, тем более что это хороший способ поощрить или наказать – будешь хорошо себя вести, поведут к бабам, плохо – сам себя обслуживай. Так вот – единственный реальный способ бежать – по дороге из лагеря. Именно ИЗ женского лагеря, а не по дороге туда – охранники тоже позабавятся с бабами, будут расслаблены и довольны, внимание их будет рассеяно, остальные заключённые тоже расслаблены – вот тут и надо бежать.

– А верёвка? Нас же на верёвке водят по десять человек! Как я сбегу, если привязан?

– В женский лагерь водят без верёвки – считается, что охраны много, сбежать невозможно, а верёвка снижает скорость движения, потому – верёвки не будет. И гнаться за тобой будут самое большее человека два-три – остальных не бросишь, а то разбегутся. Вот тебе и шанс уйти на свободу, если, конечно, сможешь уйти от трёх солдат и не сгинуть в болотах.

– А куда мне идти, если я всё-таки иду от солдат?

– Смотри – Аркан стал рисовать пальцем ноги на полу – в пятидесяти километрах от нас, вниз по реке, город, называется Скарламон. Он находится в бухте, в месте, где река вливается в Канасаническое море. Это довольно большой город,

тысяч сто населения. Тебе надо пробраться в порт и попытаться устроиться матросом на любой из кораблей, лучше на какую-нибудь из небольших шхун – они промышляют чем угодно, часто контрабандой, и если договоришься с капитаном, возьмут матросом. Хотя ты и не такой белый, как был тогда, когда тебя привезли сюда, уже загорел на солнце, и волосы отросли, но всё равно, ты отличаешься от местных жителей, как белая птица в стае радужных – низкий, массивный. Искать тебя будут точно, а значит надо уйти отсюда подальше. Ну а там...там как судьба тебе даст, и насколько у тебя хватит ума выжить в этом мире. Знаю, что ты не так безобиден, как выглядишь...и будущее у тебя странное – я видел кровь, видел смерти...но твоей смерти в ближайшее время не видел. Только вот ещё что тебе скажу – если тебя догонят, и ты им скажешь, кто тебе посоветовал поступить так, как поступил ты...убьёшь меня так же верно, как если бы ударил мечом по горлу. Понимаешь?

– Чего уж не понимать – хмыкнул я – буду умирать молча. Сомневаюсь, что уйду от тренированных солдат, при моей-то комплекции и неуклюжести.

Аркан с интересом посмотрел на меня:

– Что, и правда считаешь, что ты такой неуклюжий увальень, как говоришь? Ты поднимаешь такой вес, который не могут поднять двое крепких мужчин, двигаешься иногда так быстро, что даже движения размазываются, глаз не ловит, тебя боятся большинство отморожков, даже из штрафников –

тот, кого ты убил, был одним из самых опасных людей этого лагеря, быстрый и сильный убийца. Может ты просто придуриваешься? Да вроде – нет... Странно. Кто вбил тебе в голову мысли о твоей неполноценности? Или у вас такие все богатыри, что на их фоне ты выглядишь увальнем? Тогда ваш народ состоит из по-настоящему великих бойцов.

– Не будем обо мне – смутился я – лучше расскажи, что меня может ожидать в джунглях, какие опасности, чего остерегаться? Я ничего не знаю ни об этом мире, ни о джунглях.

– А о джунглях до конца все равно никто ничего не знает...ну, может, кроме диких племён – но они живут в самой глубине лесов, за болотами, и мы с ними почти не соприкасаемся. Хотя – в джунглях и их можно встретить. При встрече – нельзя делать резких движений, громко кричать, делать угрожающие жесты – они реагируют сразу и мгновенно выпускают отравленную стрелу из лука или духовой трубки. После того, как она в тебя попала – жить тебе десять минут. Дикари небольшого роста, даже ниже тебя, похожи на детей. Ходят в джунглях абсолютно бесшумно, где живут и куда исчезают – никто не знает. Но не их тебе надо опасаться, они всё-таки люди, с ними можно договориться, а вот в реку не лезь – там кишит чудовищами, для которых ты желанная закуска. В лесу обходи всё подозрительное – очень красивые цветы, странные деревья, странные кусты – положишь на свои чувства – если кажется странным – отбегай. Не пей воды из луж – только из лиан, я попрошу парней пока-

зять тебе, из каких можно пить, а из каких нельзя, ешь только те фрукты, которые тебе известны, а если известных нет – съешь маленький кусочек и подожди полчаса – если за это время тебя не пронесёт или не станет рвать – значит можно есть. Впрочем – лучше было бы просто потерпеть с едой – твоего запаса жира хватит надолго. Хотя...ты сильно похудел, работа с топором тебе только на пользу – Аркан усмехнулся и внимательно оглядел меня – худым, как мы, ты никогда не будешь, но вот толстым – уже вряд ли.

– И всё-таки, Аркан, почему ты решил меня спасти? – я опять уставился в глаза завхозу – близкими друзьями мы с тобой никогда не были, ты меня едва знаешь, почему ты вдруг доверился мне?

Аркан помолчал, заметно смутился и нерешительно сказал:

– Только не смейся. Мне бабушка сказала, чтобы я тебе помог.

Я раскашлялся – заявление завхоза было настолько неожиданным и странным, что я чуть не расхохотался в голос:

– Бабушка? Каким образом? Ты о чём говоришь?

– О своей бабушке. Я уже тебе говорил – она шаманка. Иногда я вижу её во сне, и она даёт мне советы, как правильно сделать то-то и то-то. Она сказала мне, что моя судьба связана с тобой, и я обязан тебя спасти. Бабушка ещё ни разу не ошибалась, она всегда славилась, как великая провидица.

– Если она такая великая, чего тебя-то не уберегла от работорговцев? – недоверчиво спросил я.

– Не знаю – грустно-задумчиво протянул Аркан – у шаманов свои дела, может мне так было назначено судьбой, чтобы я тебя встретил через двадцать лет рабства! Бабушка? Да что бабушка... прежде всего она шаманка. Двадцать лет... Ну да ладно – речь не обо мне. Ты всё усвоил по поводу ситуации?

– Вроде ясно. И ничего не ясно. Когда, говоришь, поведут на случку... тьфу! Слово-то какое! Противно!

– Мне тоже, вначале, было противно... а потом начал ждать этого дня. А куда деваться – виновато развёл руками Аркан – мы же всё-таки мужчины. Конечно, можно найти себе партнёра среди рабов... но мне лично претит это дело. Надеюсь, как и тебе...

– Само собой! – сплюнул я – думаешь, за что я этого кадра прибил?

– Ну вот и ладно. Отдыхай, и берегись в лесу неожиданностей.

Аркан хлопнул меня по плечу и ушёл на своё место, а я улёгся на тюфяк и задумался: почему-то рассказ Аркана меня не удивил – все мы, русские люди, так или иначе коснулись лагерей заключённых – песни о тюрьмах (ненавижу тюремный шансон), рассказы, жаргонные-блатные словечки, «понятия» – всё это въелось в кровь, так что я ожидал чего-то подобного, и больше был удивлён не тем, что мне объявили «вендетту», а тем, что они так долго ждали. Но и это

было объяснимо – я их хорошенько покалечил, сломал руки и ноги, поэтому им тоже нужен был период для восстановления, да и если вспомнить фразу одного из итальянских дон-нов, «мечь, это то блюдо, которое нужно есть холодным».

Жаль, что я не знаю их в лицо, поубивал бы к чёртовой матери, и делу конец... Я усмехнулся – что сделалось с офисным планктоном Василием Звягинцевым? Куда делся этот рыхлый кусок поролона, пливший по течению целых двадцать пять лет?

А что делать? Засунь вас в рабские казармы, поставь под угрозу смерти – не так ещё начнёте думать!

Только вот и лица этих врагов мне бы ничего не дали – прав Аркан, единственный способ – бежать. Ну вот, к примеру, поубивал я часть супостатов – а у них ещё друзья, они опять начинают мстить, и процесс этот бесконечен – хозяева, что, будут смотреть на то, как я уничтожаю их имущество? Запорют до смерти Да и...раз увернулся от попытки убить, два увернулся, сорок раз, а на сорок первый грохнут, вот и всё.

И на свободу хочется выйти...только вот смутно представляю – как я буду жить в этом мире? Что я умею делать? Долбить каменным топором по стволам деревьев? Поднимать тяжести? Грузчиком в порт идти? А что, тоже вариант.

Ладно, там посмотрим, надо ещё выбраться отсюда, не погибнуть в лесу, добраться до города. Чувствую, что это будет очень, очень сложно.

Неделя до «дня случки» прошла спокойно, если не считать того, что я чуть не погиб в болоте – можно было бы считать это случайностью, но после рассказа Аркана, я уже во всём видел руку врага.

Вот как это было: через три дня после нашего разговора, я, до того предельно осторожный и подозрительный, слегка расслабился – покушений нет, ничего не происходит – любой человек решит, что всё в порядке и нечего бояться. И вот, наша цепочка тащит здоровенную ветку, только что отрубленную от гигантского ствола.

Я, как обычно, шёл предпоследним в связке, таща это здоровенное корявое бревно наравне с остальными девятью своими соратниками. Под ногами чавкало болото, и если бы не ременные завязки, которые привязывали мои деревянные сандалии к ноге, оббивая икры ног, обувь давно бы осталась в чёрной вонючей чавкающей жиже. Одно место было особенно топким, его обходили стороной, осторожно шагая по краю заросшей зелёной ряской лужи.

Неожиданно, я почувствовал, как ствол дерева у меня на плече резко потяжелел, как будто сила тяжести увеличилась раза в два. Я напрягся, и постарался удержать дополнительный вес, что, вначале, мне удалось, хотя для этого пришлось остановиться. Встала и вся цепочка людей, я попытался посмотреть, что там случилось, и внезапно получил удар под колено, той ноги, которая была ближе к окну с трясинной. Как потом объяснял виновник происшествия, сосредоточен-

но прятавший глаза во время рассказа, он увяз в болоте, споткнулся, и повис на бревне, которое мы тащили. Вытащив свои ноги, он попытался встать, но поскользнулся на гнилой ветке и случайно подбил мою ногу. Как бы то ни было, но я свалился в окно с трясинной, потянув за собой и всю цепочку рабов.

Ощущение было отвратительное – погрузившись с головой в вонючую чёрную жижу, я рефлекторно попытался вздохнуть и с трудом заставил себя успокоиться – воздуха, что был в моих лёгких, вполне хватит на несколько минут, где-то сверху лежит бревно, которое нужно найти руками, да и цепочка не оставит в трясине, сейчас потянут и вытянут меня наружу. Так оно и вышло – верёвка натянулась, и меня стали тянуть вверх, сдирая кожу с закованной ноги.

Вот только эффект это вызвало противоположный – нога подымалась к поверхности, погружая в трясину мою голову. Я понял – сейчас меня нормально утопят, и как всегда в критических ситуациях меня охватила ярость – а вот хрен вам! Я уцепился руками за верёвку, перехватился, ощущая, как в висках стучит кровь – перед глазами уже плавали багровые круги, ещё немного, и я или потеряю сознание, или вдохну эту грязную жижу – и вытолкнул себя вверх, к стволу, лежащему поперёк трясинны. Нашупав руками шершавую кору, рванул вверх и... хлоп! Выставил на воздух заляпанную, покрытую ровной грязевой коркой физиономию.

Вероятно, кто-то был очень разочарован таким результа-

том. Но что тут поделаешь – не всё получается, как мы хотим, а убить Белого Васа не так просто...

Было ли это случайностью? Не верю. Слишком много совпадений. Бить этого придурка я не стал, но теперь устроил осторожность, так что до дня «Х» ничего со мной больше не случилось.

Это был выходной день. Наш штрафной барак в полном составе отправлялся в женский лагерь. Перед этим все сосредоточенно отстирывали свои набедренные повязки, мыли головы, отмывали тело. Как ни странно, собрались идти и те, кому женское общество, казалось бы, и не совсем необходимо – гомосексуалистов тут хватало, и это понятно – десятки лет в мужском обществе, без женщин, да ещё в атмосфере насилия... Потом все-таки я понял, почему и они с удовольствием шли к женщинам – всё какое-то разнообразие, новые впечатления, новая информация, ну как поход на танцульки, если сравнивать это с Землёй.

После недолгого завтрака нас построили, и окружив стражей, человек двадцать – с луками, копьями, мечами, повели из лагеря.

Я внимательно присматривался к страже – очень уж не понравились мне эти луки – они напоминали те, что я видел на картинках в инете – кривые штуки со двойными изгибами, сделанные из кусков кости и дерева. Эти луки хранились в специальных чехлах – как откуда-то всплыло у меня в памяти, эти чехлы назывались горитами. Луки очень походили на

луки земных скифов, и я помнил, что они, при относительно небольших размерах – до семидесяти сантиметров в длину – отличались огромной мощностью. Так-то мне было наплевать на эти луки, если только не вспомнить, что стрелы, выпущенные из таких луков, вполне могли пробить некоего офис-менеджера просто навывлет. Ну, может и не навывлет, но от этого не легче.

Кроме луков, как я с печалью отметил, у стражников имелось по несколько отвратительно-острых метательных предметов, именуемых дротиками...

В общем, моя задача не была лёгкой, это я теперь увидел воочию. Мне предстояло пробежать, петляя, около пятидесяти метров до леса, укрыться в нём от летящих стрел и дротиков, а потом, пользуясь только чутьём и удачей, выйти к городу, который отсюда находился километрах в сорока, и это человеку, для которого выезд на пикник с шашлыками был на уровне путешествия за три моря! Кошмар!

По дороге я внимательно осматривался, наблюдая за поведением охранников, и увидел, что они все были насторожены и определенно готовы к гадостям со стороны заключённых. Рабов было человек сто пятьдесят, и если бы все сразу кинулись в лес – точно ушли бы от солдат...большая часть. Остальные полегли бы под выстрелами и дротиками – луки вынуты из горитов, стрела наложена на тетиву, а то, что охранники умеют пользоваться луками, я видел полчаса назад, когда солдат сбил стрелой зверька с дерева метров за сто

от колонны. Мне кажется, что он это сделал нарочно, чтобы продемонстрировать – вот что будет с каждым, кто решится бежать. Приходилось верить Аркану и оставить побег на возвращение.

Дорога к женскому лагерю заняла около трёх часов – по прикидкам, до этого лагеря было километров пятнадцать, и шли мы очень ходко.

Лагерь открылся с возвышения – он, как и наш, стоял на плоской равнине. Как я узнал у «старожилов», женщины лагеря занимались выделкой и пошивом тканей и кож, ну и производством новых рабов – живот же не мешает женщине шить тунику или набедренную повязку.

Фактически, это была ферма по производству рабов. Производители постоянно менялись, чтобы улучшать породу рабов – обычно для случки подбирали самых сильных и крепких мужчин, но велось и несколько линий. Была и особая – красивых рабов случали с красивыми рабынями, производя рабов для утех, а также для прислуги. Хозяева желали иметь и красивый рабочий скот, и сильный, выносливый рабочий скот.

Я, конечно, вряд ли попадал в графу «красивый производитель», скорее в разряд сильного скота, поэтому ничего особо интересного не ожидал. Да и противно всё это было – хотя в моём теле и кипела нерастраченная мужская сила, но мысль о том, что придётся совокупиться с неизвестной женщиной, через которую прошло множество мужчин, не спо-

собствовало одобрению этой затеи. А вдруг она от меня забеременеет? И мои дети всю жизнь будут рабами на этой хреновой планетке!

От этой мысли делалось тошно. Всё моё воспитание свободного человека, мои гены вольнолюбивой казацкой донской вольницы протестовали против такого порядка вещей. Если я вырвусь из этого дерьма, сделаю всё, чтобы разрушить рабовладельческий строй! Если смогу, конечно...

Широкие деревянные двери со скрипом, тяжело открылись, и мы вошли на территорию лагеря. Особого ажиотажа не наблюдалось – похоже, здесь привыкли к приходу партий мужчин. Наш лагерь в этих краях был не единственным.

Нас провели к зданию в центре лагеря – огромный барак, длиной метров двести.

По дороге мои сотоварищи рассказывали, что в этом бараке огромное количество, не менее тысячи, комнаток (врали, конечно), в которых, собственно, и происходило всё действо. На всё про всё нам отпускатось два часа времени. За это время мы имели право зайти в любую комнатку и иметь контакт с любой женщиной, которая в ней находилась – в знак того, что комната не занята процессом, на двери вывешивался засохший кукурузный початок...видимо он изображал что-то вроде фаллического символа.

Посреди барака тянулся длинный коридор, терявшийся вдаль, он освещался окошками, сделанными под потолком над дверями и в стенах барака.

Мне почему-то казалось, что женщины в этом лагере должны быть зашуганы, всё время плачут и страдают, ожидая, когда к ней придёт производитель и овладеет ей под всхлипывания и причитания о несчастной жизни. Всё оказалось не совсем так, или вернее, совсем не так.

Когда я, в числе претендентов шёл по коридору мимо дверей «кабинетов», неожиданно, дверь одного из них распахнулась, довольно-таки крепкая рука втянула меня в комнату прежде чем я успел опомниться, и я оказался пред светлыми очами женщины лет двадцати пяти-тридцати, довольно-таки миленькой, но выше меня более чем на полголовы. Вообще-то, я уже начал привыкать, что все вокруг выше меня – большой рост существ и растений, конечно, обуславливался гораздо меньшей тяжестью на этой планете – всё тянулось ввысь, зато и кости животных, и деревесина, были менее прочны, чем на Земле. Природа практична, зачем тратить больше ресурсов на укрепление плоти, когда можно обойтись гораздо меньшим количеством материала? В общем, все люди, которых я видел в этом мире, отличались высоким ростом и хрупким субтильным телосложением. Если у мужчин это смотрелось как то...хммм. по-женски, несерьезно, то у женщин – судя по тому экземпляру, что стоял передо мной это выглядело весьма и весьма прелестно. Мне всегда нравились худенькие женщины...

Стандартная набедренная повязка и что-то вроде короткого толика прикрывали её смуглое тело, немного раскосые

большие серые глаза с интересом рассматривали моё приземистое массивное тело.

– Привет, белый! – со смехом поприветствовала меня эта подиумная модель – наконец-то я выхватила что-то интересное, а то одни и те же, одни и те же! Ты откуда такой взялся? Иди сюда, садись на лежанку, знакомиться будем! Или ты сразу готов перейти к делу? ОООО! Вижу – уже готов! А чего остолбенел? Ну-ка иди сюда, времени не так много, а тобой ещё моя подружка заинтересовалась, Синига, она тебя в щелку видала, когда вас по полю вели. Ах, как я ловко тебя выцепила! Ай да я, ай да молодец!

Всё это девушка выпалила в кратчайшее время, не дав мне сказать ни слова, затем, в считанные секунды она ободрала меня как капустную кочерыжку, содрав набедренную повязку, и тут же плюхнула на лежанку. Вот не думал, что со мной так легко сладить какой-то девчонке...впрочем – я и не сильно сопротивлялся...все два раза.

А потом мы лежали рядом, в любовной испарине, очень даже довольные друг другом...

Как всегда, после этого дела меня потянуло поговорить:
– Скажи...хम्म...как тебя звать? Карана? Карана, у тебя много мужчин было?

Девушка хихикнула, поглаживая мне живот:
– Глупый! Я что их, считала? У меня уже трое детей есть, удачно зачатые. Вообще-то я из рабынь для прислуги, сюда недавно попала. Провинилась, побила хозяйскую посуду,

вот они сюда меня и засунули, типа в наказание, вместе с подружкой моей, Синигой. Кстати, я бы конечно ещё с тобой покувыркалась, но... как подружку обидеть? Давай, собирайся с силами, скоро к ней пойдёшь.

– А надо? Мне и тебя хватит.

– Дааа? А может и правда, ну её, эту Синигу? Так вот, здесь даже лучше, чем в семье хозяина, веселее – много мужчин, много женщин, а там – шагу без опаски не сделай, хозяйка лупит и лупит всё время! Я красивее её в сто раз, вот она и ревнует каждый раз, как хозяин зовёт меня к себе в постель. А потом лупцует, якобы за какие-то провинности, грязная карга. Сама побила посуду и на меня свалила – в отместку. А тут не так уж плохо.

– А то, что ты рабыня, тебя не угнетает? Неужели на свободу не хочется?

– А я другой жизни не знаю – я так и родилась рабыней. Как вошла в возраст – с мужчинами стала спать. Если выйду на свободу – куда я пойду? Что буду делать? Спать с мужчинами, пока им меня хочется – в публичный дом. Так чем жизнь на свободе отличается от моей жизни? Тем, что там ещё и поголодать запросто, а тут всегда накормят, дадут одежду, дадут мужчину, чтобы с ним спать. Тем более, что после смерти, если я буду правильно себя вести и не нарушать законов кармы, смогу возродиться той же хозяйкой поместья с множеством рабов, и тогда уже сама буду помыкать рабами. Наша жизнь тут временна – так говорят боги и жре-

цы, у нас множество циклов перерождения, и если вести себя хорошо, можно возродиться богатой и успешной.

Я задумался. Это ведь все очень напоминало индийские верования. Буддизм, перерождения, карма – очень удобная религия для поддержания порядка в государстве. Сегодня ты раб, а завтра, после смерти, богатея! Очень, очень удобная религия. Хорошо же они промывают мозги согражданам...

– Ну так что, беленький, продолжим? Тебе помочь?

И она помогла...

Два часа пролетели как одна минута.

По коридору засновали охранники и начали барабанить в двери. Карана потянулась гибким обнажённым телом, блестящим от любовного пота, и томно-грустно сказала:

– Ну что же, прощай, беленький, надеюсь ещё увидимся...при твоём небольшом росте, твои части тела...хммм... очень, очень достойны! Рада, что я тебя уцепила. А Синига будет ругаться! Ой-ёй! Ничего, переживу!

Она рассмеялась и утомлённо закрыла глаза.

На обратном пути колонна шла гораздо медленнее – как минимум в два раза. Все шагали вразнобой, нога за ногу, нестройно, охранники частью спрятали луки в гориты, а частью сняли стрелу с тетивы и размахивали ей в такт движению, обсуждая тех стройняшек, которых сегодня посетили.

Они яростно обличали друг друга в брехне – ну никак не мог этот самый Геранд посетить десять женщин за два часа! Геранд же доказывал что мог и посетил, а они жалкие подо-

бия мужчин, доброго слова не стоящие. Охранники на этой почве даже чуть не подрались.

Заключённые тоже радостно обсуждали происшедшее действие, и на них явно никто из охранников почти не обращал внимания – в общем, всё было так, как описывал Аркан.

Всё это я отмечал, наматывал на ус и готовился к побегу. Место побега я наметил ещё по дороге в женский лагерь – река там делала крутой поворот под девяносто градусов, и можно было бежать вдоль неё прямо вглубь джунглей – ну а там уже ясно будет, что и как делать. Конечно, мне было сложно, с моим-то зрением, видеть то, что находится далее ста метров – какие-то туманные картинки, но что поделать – я просто надеялся на свою удачу.

Место побега находилось примерно на полпути к нашему лагерю, и это было хорошо – утомлённые любовными играми охранники расслабятся ещё больше под палящими лучами послеполуденного солнца, и мой замысел гораздо легче будет осуществить.

Через три часа – как я уже говорил, дорога назад заняла минимум в два раза больше времени – мы подошли к тому месту, которое было назначено мной для побега. День склонялся к вечеру – было само жаркое время суток, ни ветерка, ни дуновения. Только палящее солнце и пыльная дорога с выбитыми волокушами колеями.

Интересно, а почему у них нет колеса? – запоздало подумал я, и тут же выбросил эти мысли из головы – не о том сей-

час надо думать. Наклонив голову, боковым зрением (чтобы не привлекать внимания), осторожно изучил обстановку... ага – охранники собрались кучками и увлечённо обсуждают поход к бабам, заключённые тихо переговариваются и идут, взбивая пыль сандалиями... пора!

Я рванул из строя, успел пробежать метров тридцать, и только тогда мой побег был замечен. Охранники закричали, загомонили, а я с ужасом ждал, что вот-вот мне в спину воткнётся стрела с полированным обсидиановым наконечником.

В ожидании смертельной стрелы я постоянно изменял направление движения, продолжая мчаться, как взбесившийся паровоз. Но стрел не последовало – то ли охранники не успели снять свои луки, брошенные за спину, то ли решили, что возьмут меня и так, выследив в джунглях, в любом случае – я беспрепятственно вбежал под густую тень джунглей.

Я бежал так, что сердце чуть не выпрыгивало из груди, а в глазах крутились огненные круги – никогда в жизни я не бежал с такой прытью. Вероятно, моей скорости очень помогала стоящая перед глазами картина – мой толстый белый зад с торчащим в нём ёжиком из стрел. Хотя... я давно не видал свой зад в зеркале – сейчас он точно не был таким уж и толстым – для землянина, конечно. Тяжёлый труд на открытом воздухе, сытное питание способствовали тому, что мой жир заместился мышцами, и сейчас я больше напоминал штангиста, чем офисный планткон, вскормленный на бигмаках.

Итак, я нёсся как танк, пробивая телом кусты, сбивая хищные цветы, хлопающие своей обманчиво красивой пастью, отмахивался от семафорных жуков и громадных комаров, норовивших усесться мне на спину или на макушку – не знаю с какими целями, но явно не для того, чтобы нашептать мне в ухо стихи Омара Хайяма.

Остановился только через час напряжённого бега, тогда, когда уже почти совсем не мог передвигаться. Привалившись спиной к стволу дерева, сел и тяжело дыша, усмехнулся – мог ли предполагать несколько месяцев назад, что буду бегать голышом по джунглям, да ещё после двухчасового секса, да ещё с такой скоростью, что прежде и ждать такого не мог от своего нежного организма!

Немного отдышавшись, побрёл дальше – то перебегая трусцой, то шагая быстрым, широким шагом. Сейчас мне надо было уйти как можно дальше в джунгли, отрываясь от возможного преследования. Представляю, что там сейчас делается – охранникам точно не поздоровится, если они меня упустят.

Кстати сказать, после посещения лагеря женщин, мне гораздо более ясно стала, как бы это сказать... идеологическая составляющая рабства. Вот почему, правда, не вспыхивают бунты рабов, почему они не бросятся на жалкую кучку охранников и не растерзают их как стая злых гиен?

Первое, и главное – это религия, вера в то, что они возрождаются бесчисленное количество раз, и за свою карму

получают хорошие и плохие судьбы.

Второе – хmmm...да и первого хватит.

Остаётся только небольшой процент тех, кого насильно захватили или продали в рабство за долги и преступления – вот те стремятся на свободу, но боятся за свою жизнь, и... опять все сводится к религии – переждать до смерти, а там глядишь – олигарх! И почему это наши правители в России ещё не приняли такую религию на вооружение...

Ночь застала меня далеко от того места, где я углубился в джунгли. В избежание гибели от неизвестных хищников, забрался на высоченное дерево и устроился в развилке, где и провёл ночь, обнявшись с веткой, как с девушкой в женском лагере. Только утром до меня дошло, что это было глупо – когда мимо меня по веткам проползла змея толщиной с моё туловище, и пронеслась стая зверей, очень похожих на наших рысей, только полосатых, как зебры. Как это они не сожрали меня спящего – одному Богу известно. Я бы даже убежать не успел – куда убежишь с ветки, торчащей над землёй на высоте пятиэтажного дома – хорошо постарался залезть! Повыше!

С большим трудом спустился со своего насеста, и сопровождаемый урчанием пустого желудка, стараясь не думать о миске каши с кусочками мяса, снова побрёл в прежнем направлении. Мне следовало идти вниз по течению реки, именуемой Моор, в то место, где она вливается в Канасаническое море.

Через некоторое время, усталый и голодный, я с ужасом и отчаянием услышал то, что больше всего боялся услышать – вой местных собак. Я уже слышал этот звук – местные «собаки» – вернее существа, напоминающие земную росомуху, не лаяли, а эдак завывали, с промежутками в две-три секунды. Этих тварей использовали для охоты – и как видно, не только на четвероногих зверей.

Похоже, я здорово всколыхнул это болото, раз на мои поиски отправили целую команду с поисковыми собаками, а не двух-трёх охранников, как предполагал Аркан. Может я был такой бросающейся в глаза личностью, что меня не хотели терять? Или просто коменданту лагеря вожжа под хвост попала? Так, или иначе – дело было худо. Мои внутренности сжались от страха, в предвкушении той порции боли, что я получу при поимке...и в этот раз рядом может не оказаться шамана-целителя.

Я прибавил хода – слева меня ограждала река, лезть в которую строго-настрого не советовал мне Аркан, справа – шли джунгли, как я знал, километров на двадцать от реки. Вой собак и крики солдат слышались так далеко, насколько я мог услышать – вдоль всей реки и приближались с каждой минутой всё ближе.

Перейдя на бег, помчался вдоль реки, надеясь, что успею выйти из опасной зоны, а если оставлю преследователей за спиной, то тут уже будет моя выносливость против их выносливости, и ещё неизвестно кто выиграет – всё-таки мои

мышцы сильнее, сила тяжести для меня тут маленькая – может все-таки и уйду?

Не ушёл. Впереди, метрах в ста, заметил туманные фигуры людей, и существ пониже, «росомах», сладострастно завывающих в предвкушении крови. Похоже, они выставили кордоны впереди, вниз по реке – запоздало пришло мне в голову. Скорее всего, пока я спал на ветке, они выдвинулись вниз и поставили эти самые заставы.

Я даже застонал от своей недалёковидности и чувства обречённости – надо было идти всю ночь и не останавливаться! Какого чёрта я дрых на этой ветке?! Вот городской болван, всё никак не привыкну к реалиям этого мира, а они таковы – ошибка тут стоит не испорченной накладной, а целой (моей!) жизни!

Кольцо стягивалось всё плотнее и плотнее, и даже моим хилым зрением уже отчётливо были видны серые фигуры солдат и чёрные шкуры собак.

– Эй, Белый Вас, давай, сдавайся, побегал и хватит! – крикнул один из преследователей и весело засмеялся – попортят тебе шкуру, так первый раз, что ли?! Побежишь – пристрелим!

У меня даже слёзы потекли от отчаяния и разочарования. Как сомнамбула, я двинулся с места, разбежался и прыгнул в воды Моора.

– Эй, болван, ты чего делаешь? – отчаянно завопил тот же голос – нам твою башку надо принести, самое меньшее,

иначе с нас шкуру сдерут, скажут, соврали, что тебя нашли! Вас, скотина, вернись, там тебя точно сожрут! Идиот!

Я заработал руками и ногами, уносясь наискосок по течению реки к противоположному берегу. Лодок тут у них не было, моста тоже – кто мог подумать, что раб решится на такой самоубийственный поступок! А я вот взял, и решился – помирать, так с музыкой! Пусть лучше я сдохну в пасти чудовища, чем под кнутом палача.

И через несколько минут уже пожалел о своём решении, и кнут палача показался мне не таким уж и страшным наказанием.

Справа от меня вода всколыхнулась, и на поверхности показалось самое ужасное чудовище, которое я только мог представить – помесь крокодила и каракатицы. Вокруг воронкообразной пасти колыхался венчик щупалец, каждое из которых оканчивалось чёрным когтем, красные глаза с интересом смотрели на то, как я бултыхаюсь в воде – спасибо речке Глязьме за моё умение плавать, чуть быстрее и ловчее топора.

Это чудовище было размером с джип, и приближалось ко мне спокойно и уверенно, как крузак задним ходом на парковке у Ашана, сияющий красными глазами габаритов. Я дико заорал и так активно заработал руками, что взбил пену – это ещё больше порадовало чудовище и оно ускорило своё неумолимое движение к шустрому, и явно вкусному бифштексу.

Мои преследователи завопили, и вдруг выпустили в мою сторону тучу стрел – я не знаю, в кого они целили – может в меня, может в чудовище, однако это их действие меня спасло.

Несколько стрел ударило в прямо в венчик щупалец в тот момент, когда он уже готов был накрыть меня смертельным объятием – чудовище заклекотало, забилося, поднимая волны высотой в метра полтора, так, что я чуть не захлебнулся мутной водой, и все вокруг меня окрасилась кровью и запенилась.

Неожиданно из пены выскочили с десятков чудовища поменьше, каждый размером с крупную собаку – они оценивающе осмотрели поле битвы и решили, что вот эта мелкая пенящая воду хреновина менее заманчивый объект, чем здоровенная кровавящая туша, и набросились на «крокодила». Тому пришлось туго, и резко стало не до меня – он терял щупальца и куски мяса из бочкообразного тела, отбиваясь от стаи и тут же заталкивая в пасть неосторожно приблизившихся на расстояние досягаемости хищников. Его жрали, но и он жрал пожирающих. Отвратительное зрелище!

Глядя на этот лукуллов пир, я так ускорился, что, наверное побил бы мировой рекорд по плаванию где-нибудь на чемпионате мира или даже Олимпийских играх.

На глинистый топкий берег я вылетел просто-таки как торпеда. И рядом тут же воткнулись две стрелы, дрожа оперённым древком. Но было уже поздно – я скрылся в джун-

глях.

Отбежав метров на сто вглубь, повалился навзничь, предвзвистно злобно пнув два хищных цветка – я их почему-то недолюбливал.

Мне понадобилось час, чтобы мало-мальски прийти в себя – картина окровавленных щупалец и твари, состоящей, казалось, из одних зубов и щупалец, надолго выветрила у меня желание искупаться в тихой лесной речке. В общем, дуракам везёт, решил я для себя, а Чапаев, наверное, дураком не был, вот потому и потонул. Но больше Чапаева изображать не хочу.

Итак, что я имею – рупь за сто, что сейчас преследователи кинулись вниз по реке и скоро будут ожидать меня с обеих её сторон, вооружённые, в этот раз, лодками, или же где-то там есть мост, который я миновать не смогу. В общем – идти вниз по реке глупо и безрассудно.

Значит – альтернативы нет: мне нужно уйти от реки километров на...хмммм...много. Потом опять повернуть в то сторону, в которую течёт Моор, и идти до моря, а потом по побережью – до порта. Задача максимум, понимаешь ли... нарисовали и пошли! Вот только идти будет трудно – жрать мне нечего, а вот меня – есть кому. Под ногами чавкающая жижа и заросшие травой участки, которые приходится обходить осторожно-осторожно – змей, как грязи. И не надо забывать, что я почти голый! Время от времени какая-нибудь сука норовит отсосать у меня крови, либо отло-

жить яйца в ухо, в ноздрю или в другие естественные отверстия. Я был совершенно против этого, потому сорвал огромный лист, типа гигантский лопух, и шёл, отбиваясь от атак крылатых подонков.

И это ещё был совсем слабый накат кровососов – на работах в лагере все удивлялись, что москиты жрут меня гораздо меньше, чем всех остальных рабов. Размышляя над этим на досуге (досуге для мозга), пришёл к выводу – твари чувствуют, что я инопланетник, то есть – пахну по другому, вкус другой – и они меня облетают. Боятся меня жрать. Вдруг отравятся?

Так я шёл дотемна, останавливаясь лишь для того, чтобы попить воды из лианы – меня научили, из какой можно пить, а из какой нет. Лиана полезная была похожа на лиану ядовитую настолько, насколько похожи опёнок и ложный опёнок, потому я всё время опасался, что напился не оттуда, откуда надо и скоро мои ноги похолодеют и белый свет потемнеет. Впрочем, честно сказать, иногда посещала мысль и о том – может и правда напиться этого хренова яду и закончить мою дурацкую историю? Но я мужественно отбрасывал малодушные мысли и тащился все дальше и дальше.

Во время ходьбы я бурчал себе под нос русские народные песни – такие как «Степь да степь кругом» и «Чёрный ворон» – это очень даже соответствовало моему настроению.

К вечеру, по моим расчётам, отошёл от реки километров на двадцать – шёл часов десять, скорость движения по жиже километра два в час, вот и получилось – двадцать. И теперь

нужно выбрать место для ночлега – не в жиге ведь спать? Ещё залезет в зад какая-нибудь многоножка, отложит яйца, и буду я таким менеджером-инкубатором, поедаемым изнутри мелкими паразитами! Бррр...гадость какая!

Впереди, сощуриив глаза, увидел какую-то тёмную стену высотой с пятиэтажный дом – подумал – может горка какая-нибудь, заберусь, всё приятнее на сухом спать, а не в этом болоте – у меня от воды ноги уже распухли так, как будто месяц парил их в горячей ванне, скоро и сандалии налезать не будут.

Вообще – на мои сандалии нужно молиться – если бы не их удобство и крепость, я давно бы поранил ногу, или потерял бы их в болоте. Они крепились к ногам длинными прочными ремешками, обвивающими икры, а сами сандалии были сделаны из очень крепкого, лёгкого дерева, и не оттягивали ноги своим совсем маленьким весом.

Подойдя ближе к «горке», я с удивлением и содроганием увидел, что это совсем не гора, это лежащий на боку ствол невероятно гигантского дерева! Даже в лежащем положении, его высота – или, скорее, правильно будет сказать – толщина, была такова, что если рядом поставить пятиэтажный дом, он был бы ненамного выше! Да что я говорю – скорее всего ещё толще, выше пятиэтажного дома!

Как ни щурился, так и не смог рассмотреть верхнюю точку ствола, он простирался в длину – наверное – на несколько сот метров, а может и километр! Только на планете с низкой

силой тяжести мог зародиться такой невероятный гигант.

Во время вырубки лесов я не видел такого огромного дерева, и даже никогда не слышал о таком. Впрочем – я и не расспрашивал – может кто-то и видел подобное растительное чудо. И вот он тут – лежит поверженный, как выброшенный на берег гигантский синий кит. Что с ним случилось? Ураган? А может просто время пришло ему умереть?

Кто знает...скорее всего я никогда об этом не узнаю. Но черт бы с ним – надо решать насчёт ночлега. Прикинул – хватит ли мне силы забраться по коре этого гиганта на самый верх? Это было бы идеально – там, наверху, наверное и ветерок обдувает, и кровососов меньше, да и точно будет посуше. Кора вся изборозжена глубокими трещинами, удобными для того, чтобы ставить в них ногу и руки, поэтому подниматься не очень-то и трудно.

Шаг – подтянулся – ещё шаг – подтянулся, перехватился, подтянулся – если бы не маленькая сила тяжести – я давно бы выдохся и свалился вниз, а так – какие-то полчаса и вот я уже стою на вершине...хммм...вершине? На боку! – этого супермонстра. Длина его действительно очень велика, а облако из ветвей располагается где-то далеко, в нескольких сотнях метров от меня.

И я пошёл вперёд, к ветвям, надеясь найти укрытие и пищу – должен же он как-то размножаться, бросать семена, растить какие-то плоды, чтобы я их нормально жрал!

Дерево было реально очень, очень старым – местами его

толстая кора отваливалась от дерева, обнажая какие-то глубокие дупла и покрытые плесенью участки древесины, и мне приходилось их обходить, всё время следя за тем, чтобы не споткнуться и не полететь вниз, к центру ствола.

Глава 3

Шагать до первых веток пришлось довольно долго, и то, что увидел в конце пути, привело меня в почтительный восторг – это был целый лес, вздымающийся высоко в небо. Никаких плодов на ветвях, к своему разочарованию, я не обнаружил, но нашёл удобное дупло, ну...просто великолепное дупло, в котором было сухо и уютно. Настоящий домик!

Большая полость в стволе, будто сделанная искусственно, была выстлана чем-то вроде мха, плотным ковром покрывающего всю пещерку, диаметром метров пять. В полость вело узкое отверстие, шириной не более семидесяти сантиметров.

Вначале я с опаской заглянул в пещеру, потом отломил побег дерева, нависающий над головой, и это палкой пошевелил в берлоге, готовясь тут же отпрыгнуть в сторону. Но нет, никаких саблезубых тигров и пещерных медведей не наблюдалось – ну и слава Богу. Не нравятся они мне.

Я залез в это гнёздышко, с наслаждением вытянул ноги, натруженные за день бегом и плаванием, и закрыл глаза. Перед мысленным взором мелькала мешанина из последних событий, и почему-то виделось все только отвратительное – кровь, щупальца, зубы, стрелы, грязь – в общем, всё то, что составляло смысл моей жизни последние два дня. Не сомневаюсь, если бы я путешествовал по саунам и ресторанам, виделся бы мне стриптиз, стаканы и девицы, а не щупальца

крокодилокаракатиц. Но что есть, то есть.

Хотя... пару раз мелькнул в голове и силуэт смуглой обнажённой красотки, которая подарила мне незабываемых два часа...

Поймал себя на ощущении, что чего-то не хватает – открыл глаза, пошарил рукой по телу – вроде всё на месте, ничего не откусили и не высосали. Ах, вот оно что – как раз сосущих и откусывающих не было – комаров и moskitov. Почему-то они не решались влететь в пещеру – может это дерево их как-то отпугивало? А почему и нет – источают же многие растения фитонциды, отпугивающие насекомых, или примаанивающие насекомых – я в сети читал, а тут инопланетное дерево, может оно вообще всех гадov в округе распугивает! Классно я приземлился... хммм... придеревился... призе...

Мысли мои погасли, и я погрузился в тяжёлый, наполненный странными сновидениями сон.

Сновидения были совершенно безумными – мне снилось, что меня кто-то кусал – кто-то вроде тонких длинных червей, глистов – они втыкались в меня, проникали в тело и шевелясь ползали в мышцах, костях, в голове ... Я хотел дёрнуться, пошевелиться – и не мог. Это напоминало то, как однажды, когда я был у бабушки в деревне, мне приснился сон, как за мной гонятся цыгане.

Нахрена я им сдался – не знаю, но целая толпа цыган гналась за мной по деревенской улице, освещённой тусклыми фонарями с обычными лампами накаливания и абажу-

рами, раскачивающимися на ночном ветерке (как в блоковском стихотворении «Ночь, улица, фонарь...»). Я пытался бежать от преследователей, но ноги не слушались и двигались медленно-медленно...

Потом в руке одного из цыган появилась удочка – обычная, рыбацкая, с крупным крючком. Он забросил крючок на меня, зацепил воротник рубашки и подтянул к себе. А потом...достал нож и ударил снизу вверх, в печень – больно-больно! Очень больно...

Я тогда проснулся в холодном поту и долго не мог уснуть – настолько картина была яркая, переживательная и страшная.

Вот и сейчас – я вскинулся, встрепнулся и стряхнул с себя сон. Этот сон с червяками, оплетающей меня паутиной, был настолько ярким и чётким, что меня трясло от возбуждения, как в лихорадке. По телу выступил холодный пот, и кожа горела, как от солнечного ожога.

Лихорадка? А и правда, вроде как начиналась лихорадка – теперь уже все тело горело, меня трясло, бросая то в жар, то в холод – а я ведь в этом мире давным-давно не мёрз – замёрзнуть при температуре окружающего воздуха от тридцати градусов и выше – в высшей степени мудрено.

Выбрался из дупла. Сон слетел с меня, как старая листва с дерева-гиганта, и я увидел, что солнце уже встаёт над горизонтом – красный диск показался над линией леса, облака розовели, небо было совсем светлым. Картина джунглей, залитых утренним солнцем, была очень красива – зелёные

волны бесконечного лесного моря, тучи разноцветных птиц, взлетающих и садящихся на ветки – красотища!

Если только забыть, что я в этих джунглях не турист, а загнанный раб, бесправное и низшее существо, преследуемое, и в любую секунду готовое погибнуть или драться за свою жизнь. Как бы я хотел увидеть родные леса, перелески, степи России!

Вот когда начинаешь родину-то любить...

Я усмехнулся своим мыслям, почесался – тело зудело, будто его искусили сотни здоровенных жадных комаров. Присмотрелся к рукам, к животу – правда, что ли, искусили?! Множество красных точек испещряли кожу.

Впрочем – точки исчезли минут через двадцать, так что после сна в дупле не осталось никаких неприятных ощущений, кроме некоторой тяжести в затылке – туда будто, вколотили небольшой колышек и обломили. Еще с полчаса не оставляло странное ощущение инородного предмета в голове – а потом и оно прошло.

Нужно было спускаться с дерева – забраться-то одно, а вот спуститься с него – совсем другое. Кто лазил по горам, знает – спуск гораздо опаснее подъёма. Проще говоря – когда ты лезешь вверх – ты видишь все рытвинки, все щели, в которые ты можешь поставить ногу или засунуть руку, а вот в обратную...в общем, понятно.

Я начал «спускаться, каждый шаг остороженько взвесья» – как в песне, первые метры всё шло хорошо, но где-то

на середине пути произошла беда.

В этом месте кора гиганта отщепилась, видимо отгнила, и в образовавшемся дупле поселилась стая то ли летучих мышей, то ли ещё каких-то летучих тварей – тварей довольно противного вида и отличающихся ещё более противным нравом. Стоило мне уцепиться за край их жилища, как я тут же получил укус в правую руку и повис на левой, соскальзывающей по мокрой трухлявой древесине дерева, с ужасом осознавая – всё, трендец!

Говорят, что перед смертью вспоминают прошедшую жизнь, как кино видят, так вот: с полной ответственностью могу заявить – брехня! Всё, что я успел подумать и сказать, когда летел к низу с высоты пятиэтажного дома – всё, п. . . . ц!

Мне повезло – я не упал на голову, не нанизался на ствол торчашего внизу небольшого дерева, не сломал себе позвоночник, а больше всего повезло в том, что сила тяжести этой планете в два раза меньше, чем на Земле – плюхнулся в грязную жижу так, что забрызгал грязью окружающие меня кусты на десять метров в окружности. Спасибо матери-Земле за крепкую плоть и кости. . .

Падение выбило из меня дух, и я погрузился в небытие на неопределённое время.

Полагаю, что время довольно долгое – солнце стояло уже высоко в небе – его лучи вертикально пробивались через кроны деревьев, освещая меня, а также охранников, ехидно улыбающихся, которые стояли над моим распростёртым те-

лом.

– Ну что, Белый Вас, набегался? Хорошо тебе лежать в грязи? Тут тебе и место, скотина ты неблагодарная! Тебя сводили к бабам, а ты что устроил? Мы за тобой бегаем двое суток, животное ты ублюдочное! Нас из-за тебя жалованья за неделю лишили! Мы все ночи не спали, таскаясь за тобой по лесу! Вставай, ублюдок!

Старший охранник сильно пнул мне ногой в бок, если бы я не был землянином, он точно сломал бы мне ребро, а так он ушиб ногу и запрыгал на одной, поливая меня грязной бранью, поминая всех моих родственников до седьмого колена. Затем выхватил меч и стал лупить по моему многострадальному телу, нанося удары плашмя. Я прикрывался руками – им-то и досталось больше всего. Похоже, скоро руки будут синими от гематом.

Один из охранников остановил его, сказав:

– Командир, может хватит? Забьёшь ублюдка – кто его потащит? Комендант сказал – доставить целиком, и по возможности живым – он сам хотел насладиться его наказанием. Так-то мы ещё жалованья лишимся!

Волшебное слово «жалованье» произвело магическое действие, и старший перестал меня избивать.

Грубо подняв, меня потащили, связав руки за спиной верёвкой. Другую верёвку старший накинул мне на шею, сделав её петлёй, и время от времени мстительно дёргал, когда я перешагивал гниющие стволы деревьев или перебирался

через лужи, с тем, чтобы причинить мне как можно больше неудобств.

Мне было очень плохо – болело избитое тело, хотелось есть, но самое главное, я весь горел в огне, похоже заразившись какой-то болезнью. Где заразился? А кто знает – где, может хлебнул водички из тропической реки, когда переплывал её, может грязи в болоте, может укусила какая-то тварь – я ещё удивляюсь, что раньше не заболел, может это как-то было связано с тем, что я с другой планеты? Ну, не по вкусу я был местным бактериям!

Всё это крутилось у меня в голове, пока я тащился к лагерю, как побитая собака, на поводке. У реки нас ожидала большая лодка, что-то вроде катамарана, с прочным широким помостом и стоящими по бокам охранниками с мощными луками.

О как! Для моей поимки была организована целая экспедиция! Вот тебе и два-три солдата! Ошибался Аркан. Не два-три солдата...

Ну а что я хотел? Странная личность, нашли в джунглях, в странной одежде и с странным драгоценным приспособлением на глазах. Ценный раб!

Вот сволочи! Мои драгоценные очки! Как я без них? Как? Да вот так! Ни фиги себе!

Что за чёрт – я увидел катамаран на реке метров за сто, да ещё со всеми подробностями – с солдатами у бортов, рассмотрел луки в руках, стрелы на тетиве и даже завязки на их

набедренных повязках! Это как понять? Что со мной происходит? Я так никогда не видел, даже в детстве – сколько себя помню, носил очки, а теперь...

Вот это да! Это я теперь типа Зоркий Сокол?!

Тееекс...и с чем это связано? Ну-ка, Васька, давай рассуждать, каким это образом ты вдруг прозрел? – сказал я себе – лихорадка? По логике – лихорадка. Может какой-то вирус вселился в меня?

И что? Исправил мне глаза, вместо того, чтобы выесть внутренности? Как-то глупо... ну, а что ещё-то?

Так – что-то мелькает в голове, какие-то смутные воспоминания, какие-то слова...слова? Стоп! Какие такие слова?! «Носитель», «семя» – это к чему?

Ой, как голова заболела...ну что за хрень? Я никогда не отличался мигренями и всяческой такой головной гадостью – боксом не занимался, по голове в подъезде меня не били – с чего это такая дикая головная боль?

Опять всё сводится к лихорадке. Ладно, потом соображу...если время дадут. А почему не дадут? А потому, что они постараются вышибить из меня дух – я же беглец, за которым отправили целый отряд охранников. А если спросить? Ну, в крайнем случае получу пару лишних тумачков, а может и получу информацию?

– Господин начальник, а чего это за мной столько солдат отправили? Неужто я такая важная личность? – осведомился я у старшего охранника.

Он скривился с отвращением:

– Тварь ты этакая! Я бы тебя и тащить не стал – башку бы отрезал на месте, в знак того, что нашёл, а начальник лагеря потребовал, чтобы тебя живым доставили! Типа – шаман тебя видеть хочет! Вот только мне не было сказано, что тебя надо с руками и ногами доставить, а особенно с языком, и если ты, вонючка толстожопая, не перестанешь болтать, я отрежу тебе язык прямо тут, на месте!

Я благоразумно заткнулся и задумался – шаман? Это тот шаман, что вылечил меня в прошлый раз? С одной стороны – я ему благодарен, хотел он или нет, но спас меня, когда я умирал, иссечённый кнутом, с другой стороны, если бы не его желание меня посмотреть, я бы спокойно ушёл от преследователей, перебравшись за реку, и никто не стал бы тратить столько усилий, чтобы меня ловить. Если взвесить – первое перевешивает второе. Вряд ли сейчас они меня засекут до смерти, раз решили доставить живым.

Впрочем – кто знает? Может они любят смотреть на зрелище наказания штрафников, как об этом и сказал один из солдат. Только мне, почему-то, в это не верилось – если это касалось нынешней ситуации и меня я лично – не хочется же верить в плохое, со мной ничего такого не может случиться по определению! Только с кем-то другим, нехорошим! А я – хороший!

Переправа через реку прошла спокойно, без эксцессов – никаких чудовищ не вылезло, никто не попытался сожрать,

выпрыгнув из воды – впрочем, солдаты были довольно напряжены и стояли за высокими бортами, с луками наготове – похоже на то, что попытки сожрать людей, переправляющихся через реку были обычным делом.

Лодка приводилась в движение длинными вёслами, за которыми сидели рабы, так же проклинаящие меня, как и охранники – просто какое-то поветрие пошло – все меня ненавидят и всем я насолил в этом мире! Я даже немало возгордился – это же надо так ВСЕМ нагадить! Видимо, у меня талант.

Почему рабы, сидевшие на вёслах, не залюбили меня? А попробуйте грести против течения, вместо того, чтобы сидеть в лагере, в тени от дерева. Никто не радуется лишней работе, вот и они ей не обрадовались.

К тому времени, как я вошёл в знакомые ворота лагеря, состояние моё ухудшилось – меня мотало, в глазах, теперь отлично всё видящих, метались красные искры, а весь мир качался и шумел, как Ниагарский водопад. Или это у меня в ушах шумело? В общем – мне было очень хреново. Хватило меня только на то, чтобы войти в ворота лагеря, сделать шагов пятьдесят, к помещению коменданта, и там я упал навзничь, в нагретую солнцем пыль. Я уже не видел, как меня несли, обмывали, раздевали. Потом узнал, что был без сознания трое суток.

После пробуждения долго не мог понять, где я нахожусь – белёный потолок, кровать – не нары, а именно кровать – ря-

дом на табуретке кусок лепёшки, кувшин с чем-то жидким, кружка, чашка с остывшей кашей. У меня страшно забурчало в животе, я поспешил сесть на кровати и протянул дрожащие руки к еде.

Холодная каша и чёрствая лепёшка пошли так, будто это были яства из элитного магазина для богачей. Всё познаётся в сравнении – когда-то я нос воротил от вчерашнего супа – не люблю гретый, картошка там дубовая делается – а сегодня рад и лепёшке, твёрдой, как моя подошва.

В кувшине оказалась подкислённая жидкость – что-то вроде сока, сильно разбавленного водой. В глотке у меня так пересохло, что кувшин опустел буквально в два приёма.

Вот теперь можно было подумать и о будущем. Я откинулся на кровать и замер, переваривая пищу как довольный удав.

Итак: меня ни избили, и не убили. От меня чего-то ждут. Чего? В деле замешан шаман, а шаманы, как я узнал, являются хранителями знаний и своеобразными учёными (представил нобелевского лауреата Алфёрова с костью в носу и хихикнул).

Зачем я шаману? Получать знания, конечно.

Как извлечь из этого выгоду? Продавать свои знания постепенно, не все сразу, заинтересовать шамана и выбраться из концлагеря. Возможно, это даже лучший выход, чем бегство по лесам – по крайней мере, более комфортабельный и безопасный.

А ты уверен, что безопасный? Нет, ну а как я могу быть в чём-то уверенным в этом дерьмовом мире? Конечно не уверен! Но делать-то что-то надо! Не сидеть же в лагере до конца жизни!

Ладно. Будем решать проблемы по мере их поступления.

Мои размышления прервал стук открывшейся двери, и довольно звучный, поставленный голос сказал:

– Ну что, Белый Вас, поговорим? Не притворяйся – я знаю, что ты не спишь. Давай, открывай глаза и начнём общение.

Открыв глаза, я стал рассматривать вошедшего – это был высокий, даже для жителей этой планеты человек вполне приятной наружности и если бы не торчащая в носу кость, его можно было бы принять за преподавателя университета или библиотекаря...хммм...почему-то бегающего перед своими студентами в двух тряпочках спереди и сзади. Надо сказать, что и тряпочки у него были из хорошей ткани – судя по всему шёлковой, и отливали золотом.

– Всё рассмотрел? – усмехнулся шаман (а это был именно он) – ты – Белый Вас, по крайней мере тебя так зовут здесь, в лагере, я Великий шаман Ангоскан. Тебе, наверное, интересно, почему ты не корчишься под ударами кнута, а лежишь тут, как важный господин, и беседуешь с самым могущественным шаманом в радиусе тысячи километров? Скажу: ты меня заинтересовал. Никто ещё не видал такого строения тела, такого цвета кожи, как у тебя, при тебе, как я

узнал, были найдены странные вещи, стоящие очень дорого и сделанные по неизвестным нам умениям. Я хочу знать, кто ты. Учти, от твоих ответов зависит твоя жизнь – если мне будет интересно то, что ты мне расскажешь, я заберу тебя из лагеря и сделаю своим слугой. Ты будешь хорошо питаться, жить в хорошем доме, возможно, я сделаю тебя своим помощником – будешь готовить мне снадобья. Ну так что, будешь говорить?

Я медленно кивнул головой и натужно крикнув, сел на кровати. Голова уже не кружилось, в глаза не двоилось, и чувствовал я себя на удивление прекрасно – каша с лепёшкой наверняка пошла мне на пользу. Подумав, я решил, что хитрить с шаманом себе дороже, и сразу взял быка за рога:

– Я пришелец из другого мира. Как здесь оказался – не знаю. Очнулся уже здесь, и ваши солдаты взяли меня в рабы. С тех пор сижу тут, в лагере. Больше ничего не знаю. Попытался убежать – меня поймали и привели сюда. Вот и всё.

– И всё? – пришёл в восторг шаман – только самого факта, что ты пришелец, достаточно, чтобы сжечь тебя на костре! А ты говоришь – и всё!

– Как это на костре?! – неприятно удивился я – с какой стати-то? Причём тут другой мир и костёр?

– Как при чём – по нашим верованиям, с того мира в этот приходят очень неприятные твари, которые вредят людям, вносят смуту, подрывают основы нашей морали и жизни, и чтобы очиститься от скверны, надо их сжечь. Ты готов к со-

жжению?

– Никак не готов! Никакого сожжения не хочу! Никакие основы морали потрясать не собираюсь. И вообще, ваш хренов мир мне уже так надоел, что и выразить не могу! Только и вернуться домой я тоже никак не могу! Я вообще не знаю, где находится мой мир!

– А как узнать – может ты врёшь? Может тебя надо поджарить, и выяснить – как ты собирался подорвать основы морали и нашего устройства общества! Чем ты тут недоволен? Что тебе не нравится?

– Рабство, конечно – не подумав, быстро выпалил я.

– Ага! Значит ты задумал освободить рабов, и лишит государство основы его благосостояния? Ты – демон! Ты настоящий демон! Тебя обязательно надо сжечь. Это ясно, и обсуждению не подлежит. Но твоё сожжение может быть мучительным, или же быстрым и безболезненным, а потому ты должен мне рассказать секреты, которые ты принёс с собой из своего мира – шаманские заклинания, секреты оружия, какое-нибудь шаманство, которое мне пригодится. Расскажешь мне – тебя не будут бить, будут хорошо кормить, а когда наступит день твоего сожжения. хммм...ага! – это на праздник Бога Воды – значит через неделю, тебе перед сожжением дадут напиток, от которого тебе не будет больно, а даже приятно, когда тебя будут сжигать.

– А вы сами-то пробовали сжигаться с этим напитком – саркастически спросил я – что так уверенно говорите о том,

что будет приятно?

– Хммм...ну я только предполагаю, что будет приятно. Меня-то сжигать не за что, я не демон. Демон ты, и не крути мне мозги – вон как ты все повернул! Ты хочешь сжечь лучших представителей шаманства империи! Вот какова твоя задача!

Шаман взволнованно заходил по комнате так, что его золотистые тряпочки на бёдрах раскрывались и обнажали худой смуглый зад.

– Какой коварный план! Нет, мы тебя будем сжигать не тут, мы отправим тебя к Верховному шаману! Не каждый день попадается такой коварный демон!

– А что, к вам попадалось много демонов – спросил я с надеждой увидеть своих земляков – и как вы с этими демонами поступали?

– Вообще-то, нам ещё не попадалось демонов – сознался шаман – но наука допускает, и даже настаивает на существовании подобных сущностей – иначе как объяснить многие вредоносные события в нашей жизни! В труде Зилота Каланского, сказано: «И эти существа явятся из другого мира, и вид их будет ужасен – они будут маленького роста, белые и толстые, как мучные черви, при них будут странные приборы, сделанные не в этом мире. И будут они задавать странные вопросы, от которых у учёных мужей совершится кружение головы и расстройство психики!» Всё соответствует! Похоже, ты первый из отряда демонов!

– Ну не такой уж как червь! – обиженно протянул я возбуждённому шаману – и не такой уж и толстый! Совсем уж обгадили! На себя бы посмотрели – ходите с костью в носу!

– А чего моя кость? Кость, как кость... положено. Какой шаман без кости в носу. Вначале, конечно, было неприятно, а потом привык. Сморгаться только трудно, приходится, вначале вынимать кость, или же просто глотать соплю. Но со временем привыкаешь. Так – мы не о том! Давай, демон. Рассказывай мне всё, что знаешь о шаманстве в вашем мире, а я буду запоминать и записывать.

– И о чём же мне вам рассказать?

– Ну, начнём с того, как ты занимаешься шаманством. Ты же занимаешься шаманством в своём мире, не так ли?

Я подумал немного, и решил – в общем-то да, именно шаманством я и занимаюсь. Ну что же, записывай, дикарь хренов!

Следующие полчаса, я сосредоточенно засыпал шамана практическим руководством по установке «винды», рассказывал, какие комплектующие подходят для игры в «Линейку» и «Айон», до тех пор, пока у шамана не вытаращились глаза и он не сказал:

– Ты на самом деле опасен! Я общаюсь с тобой короткое время, но у меня уже кружится в голове, и я схожу с ума! Тебя надо сжечь тут, лагере! Иначе ты наведёшь порчу на Верховного шамана! Я приглашу жреца Бога огня, и мы совершим ритуал завтра, вечером, на закате солнца. Больше

не разговаривай со мной! Иначе мне придётся отрезать тебе язык!

Шаман вышел из комнаты, косясь на меня глазом, как цирковая лошадь, а я остался размышлять о своей несчастной судьбе. Вот дёрнул же меня чёрт напугать шамана! Если бы он отправил меня в город, у меня был бы шанс сбежать по дороге. А теперь что?

Вообще-то, всё складывается довольно кисло. А почему я считал, что будет всё зашибись? Шаман узнает, что я из другого мира, прослезится и возьмёт к себе в напарники по колдовству? Наивняк!

Интересное дело про этого Зелота Каланского – так, что ли, его зовут – какого чёрта он там близко к теме описал попаданца с Земли? Ну, не так уж и близко – потыкал себе в живот – не такой уж я и толстый! Скотины паршивые! Надо же так загадить моё описание!

Значит правда у них какие-то провидцы есть... а почему и нет? Если на Земле не отрицают существование всяких там непознанных явлений – экстрасенсорики, колдовства и шаманства, то уж тут, в диком мире, в джунглях, им и карты в руки. Ну да ладно – в конце концов – мне что, поджариваться, как шашлыку на косточке? Валить отсюда надо! И как это сделать? Задача, однако...

На обдумывание задачи я потратил весь вечер, и кое-что придумал. Как было видно, шаман обладал не только знаниями о шаманстве и мог читать наизусть выдержки из науч-

ных трудов. Кроме всего прочего, его снедала гордыня, и он желал обладать знаниями, которые позволят ему подняться выше всех остальных коллег. Не он первый, не он последний. Ученые всегда грызлись по поводу и без повода и норовили залезть повыше. В общем – человек, как человек, и я на этом попробую сыграть. Притом – человек он не очень проницательный – этакий сумасшедший учёный, не от мира сего, а это вселяет надежду...

Встав с постели, я подошёл к двери и подёргал за деревянную ручку – не-а, закрыто. Не дураки же они оставить демона в комнате с открытой дверью! Вдруг я на них напущу чёрный понос! Жаль, что не умею напускать...

Бам! Бам! Бам! – заколотил в дверь. За ней кто-то зашуршал и сдавленный голос спросил:

– Чего тебе, демон! Великий шаман не велел с тобой разговаривать! Сиди, и не рыпайся, иначе получишь стрелу в дверную дырку!

Я с отвращением заметил в двери несколько дырочек на уровне груди и понял теперь, зачем они тут накручены. Вот гады! Это они так могут тихонько наspiговать меня стрелами, находясь сами за дверью из железного дерева! То, что это железное дерево я понял по цвету – оно такое немного красноватое, тёмное. Чёрта с два его сломаешь, не хуже чем сталь.

– Скажи шаману, что я хочу открыть ему страшную тайну, выдать шаманские сокровища!

– Ты врёшь, демон! Вы, демоны, умеете мозги заморозить!

Что умею, то умею – подумалось мне – как то пришлось впарить залежалый ноут, громоздкий, как бабкин сундук, и клиент...тьфу, не о том речь! Тут как бы пятки не поджарили, а мне в голову хрень всякая лезет!

– Если ты не передашь шаману, что я тебе сказал, я завтра сам ему скажу, и он будет в ярости и сильно тебя накажет, будь уверен! Иди, и скажи ему, болван ты эдакий!

Приложил ухо к двери – за ней слышались удаляющиеся шаги – действовало! Хотел заглянуть в дверную дырку – передумал, ширнут ещё в глаз чем-нибудь острым, потом ходи кривым всю оставшуюся жизнь, надеюсь – достаточно продолжительную. Впрочем – это зависит от того, хватит ли ума мне разыграть интригу.

Снова загремела дверь, и с подозрительно-хмурым лицом в комнату вошёл шаман. За его плечами в дверном проёме виднелись напряжённые лица охранников, с наложенными на тетивы луков стрелами – только сделай угрожающее движение – тут же башку прострелят! Отвратительные типы.

– Ну и что ты там врал про сокровища? Какие такие сокровища? – шаман заложил руки за спину и покачивался, свысока поглядывая на «демона» – если ты сейчас скажешь, что это просто твоя придумка, чтобы меня разжалобить – я прикажу тебя высечь кнутом. Говори, демон!

– Перед тем, как меня захватили солдаты, я закопал под

деревом узелок, в котором были изделия из металла, а главное – специальное приспособление для шаманизма – называется оно – «ноутбук». С помощью этого устройства, тоже сделанного, в основном из металла, можно совершать самые ужасные и отвратительные демонские действия – говорить на расстоянии, записывать колдовские заклинания, а так же слать послания своим недругам на огромном расстоянии, поливая их самыми чёрными и ужасными из проклятий – я это делал неоднократно и с удовольствием. Если бы мы договорились о том, чтобы ты сохранил мне жизнь, я бы передал этот колдовской артефакт тебе. Ну как, договоримся?

Шаман долго молчал – видимо, он был потрясён открывшимися перспективами – у каждого маститого учёного есть множество оппонентов и критиков, которых надо обязательно зачмырить, наслать на них проклятия и вообще сгноить за их еретические антинаучные высказывания, вот и этот инопланетный учёный не был исключением.

Он хитро покосился на меня – в его прохиндейском взгляде не было ни капли правды и честности – ну кто же будет честным перед демоном, адептом вранья? Обмануть демона – дело святое!

– Конечно договоримся! – его голос был сладок и медоточив – завтра с утра мы с тобой отправимся к тому месту, где ты закопал сокровище, а вечером, вечером я приму тебя в свои ученики, дам тунику мастера шаманизма, двух рабынь и раба-мальчика, искусного в удовольствиях! Не хо-

чешь мальчика? Ну и как хочешь! Дам много вина, сладкой еды...в общем, много чего дам. После. Потом. Сейчас отдохай, тебе принесут ужин, а с рассветом отправимся в лес.

С этими словами шаман вышел, оставив меня одного, а я подумал – некий доктор, по имени Йозеф, говорил: «Чем чудовищнее ложь, тем легче в неё верит публика». Слава инету! Он многому меня научил, в те сладкие минуты, когда я шарился по нему и ни один посетитель фирмы не приставал ко мне с дурацкими вопросами.

Через минут пятнадцать принесли ужин – он был далёк от восторженных похвал шамана – ничего особого в нём не было, но кусок какой-то птицы, по типу курицы, был вполне съедобен, лепёшка свежа, а вода в кувшине разведена соком и не протухла.

С удовольствием поужинал – впрочем я всегда с удовольствием лопал на ночь, что можно было прочесть на моём толстом животе. Ох, живот, живот...он стал совсем худым – от прежней пухлости и следа не осталось! Даже кубики проявились, как у чертова гимнаста! Конечно, ежели жрать раз в три дня, какой тут живот будет. А он мне чем-то нравился, мой прежний животик...вру, конечно, но то, что я сильно исхудал – это точно. Такого атлетического строения тела, у меня не было никогда – ну а что, лет мне ещё не шибко много, а правильная диета, в купе с тяжёлым физическим трудом, делает чудеса – всё равно как меня заперли в тренажёрном зале и не выпускали, пока не сброшу вес. И я сбро-

сил – килограмм пятнадцать, это точно, а что не сбросил – видимо, это и не жир был...

Где мои бигмаки-бигтейсти! Где мои булочки с маком! Приходится есть всякую гадость – куропаток, фазанов и индюшатины! (Вру опять – какая тут индюшатины? Если только ползающая и шипящая...лучше не задумываться, что ты тут лопаешь...)

Ночью меня опять мучили кошмары – кто-то шептал мне странные слова, какой-то голос в голове пытался пробиться сквозь плотную завесу моих снов. Меня снова лихорадило, и я корчился на кровати, сотрясаемый спазмами озноба так, что барабанной дробью стучали зубы.

Мне снился сон, что я дерево – то самое дерево, на которое я залез, спасаясь от неприятностей – громадное, упирающееся кроной в облака, возвышающееся на всеми джунглями, как Эверест на горными грядками. Тысячи лет я стоял, вцепившись в почву, но и мне пришёл черёд – корни ослабли, подгнили, древесина стала рыхлой и пористой, и вот, очередной ураган, пронёсшийся над джунглями повалил меня на землю. Даже так, я ещё был жив, но медленно угасал. Всё, что ещё держала моя воля, всё, для чего я ещё жил, сгнивая на боку в полутьме джунглей – это моя обязанность – передать Семя Носителю. Так я лежал ещё пять лет...пока Носитель не пришёл.

Я вздрогнул и проснулся. Подстилка подо мной сбилась в жгуты и пропиталась потом – ну и приснится же такое! В

прежних моих снах – бывал в борделе, падал в пропасть, был зарезан цыганами и прятался от чудовищ за баррикадой из стульев, отбиваясь от супостатов метанием коллекционных минералов из своей детской коллекции камней – но чтобы я был деревом! Кошмар! Я, конечно, иногда дуб-дубом, но не до такой же степени!

Только подумать – я – дерево! Это всё джунгли, это всё они, дурное влияние деревьев. вот почему мне в городе никогда не снились такие сны? А потому, что власти деревьев там нет – их давно удушили автомобили и злые работники ЖКХ, тут же – раздолье для деревьев – влага, тепло, густая атмосфера.

Интересно, какое здесь содержание углекислых газов? Читал, что в далёком прошлом содержание углекислых газов в земной атмосфере было гораздо выше, чем в современности. Это обуславливалось бурной вулканической деятельностью. То есть, сейчас, я фактически в юрском периоде? То-то тут твари такие гадкие и кровожадные. А может в меловом? Да кто ж его знает...да не фиолетово ли мне это все – какой тут период?.

За дверью было тихо, и я постарался снова уснуть. И опять – тот же сон, голос в голове и ощущение того, что в моём организме происходят какие-то мутные процессы, результат которых мне очень не понравится. То ли бактерии изнутри жрут, то ли глисты завелись – но полное ощущение того, что я в своём организме не один...

Так я промучился до рассвета, когда в комнату бесцеремонно вошла целая делегация – шаман с парадно начищенной костью в носу, старший охранник, тот, что вчера вёл меня на поводке как собаку, знакомые охотники за рабами, те, что взяли меня в плен в тот злополучный первый мой день в этом мире, и ещё пятеро или шестеро солдат, толпившихся в коридоре и испуганно поглядывавших на меня – не каждый же день видишь настоящего демона! Да ещё пугает мысль о том, что ты ходил рядом с таким чудовищем и рисковал каждую минуту потерять свою душу – известно же, что демоны питаются душами. (Интересно – когда они души переваривают – что выходит? Может депутаты?)

– Демон Вас! – громогласно и напыщенно, явно играя на публику, объявил шаман – предупреждаю тебя, что если ты попытаешься обмануть, а тем более сбежать, участь твоя будет ужасна! Тебя, вначале кастрируют, потом отрежут язык, а потом всё это запихают тебе в рот перед сожжением!

– Так не уместится же! – перебил я торжественную карательную речь шамана.

– Чего не уместится? – не понял шаман.

– Ну чего кастрируете у меня – в рот не уместится!

– Уместится, чего врёшь-то, сын лжи?

– Твоё уместится, мелкий потому что, а мой точно не уместится – мстительно сказал я, отыгрываясь за белого толстого маленького мучного червя.

Шаман порозовел, потом покраснел от ярости:

– Вот не окажется твоего артефакта – тогда и проверим! Давай, выходи!

И мы пошли по длинному коридору штрафного барака на выход.

Пока шёл, думал – мой язык меня ещё далеко заведёт, до плахи приведет – запросто. Чуть не прокололся – ещё немного, и шаман бы понял, что я чего-то кручу, слишком уж явно над ним издеваюсь. Надо потоньше работать болтливым языком... иначе и правда отрежут!

Идти до места было не очень далеко – километра четыре, это место было прямо за вырубками, там, где мы работали. Я всё время изображал поиски – якобы, определялся по солнцу, смотрел на вершины деревьев и упорно шёл дальше и дальше от лагеря, в ту сторону, куда я ранее двигался во время побега. Всё это время солдаты зорко смотрели за каждым моим шагом, целя в меня из полунатянутых луков.

Я с опаской поглядывал на их орудия убийства – не дай бог у них начнётся какой-нибудь психоз, покажется, что у меня выросли крылья и демоническая голова, и тут же, в долю секунды, меня наспигуют первоклассными остренькими стрелами. Ощущение точно было не из приятных.

Движение осуществлялось так: впереди шёл я, с умным видом вертя головой, позади меня старший охраны, тот изверг, что надо мной издевался, за ним трое охотников за рабами, и по бокам, справа и слева, по три человека из солдат. И уже за всей процессией – шаман со своими слугами.

Когда терпение предводителя экспедиции, шамана, уже стало иссякать (он хмурился, сплёвывал и чего-то бормотал под нос, видимо ругая меня, а еще себя – за то, что поддался на посулы демона) я остановился, и кивком головы подозвал к себе старшего:

– Развяжи руки, я должен над этим местом сделать пассы, иначе артефакт не покажется и мы зря ходили! Давай, быстрее, развязывай, солнце уже высоко, а его можно откапывать только утром!

Мои дурацкие фразы напоминали телевизионную рекламу и действовали только на подсознание – вроде все слова понятны, но хрень несусветная, нелогичная, и не выдерживает никакой критики. Но действовали они безотказно и тут, в новом мире – шаман кивнул головой, и старший охраны перерезал путы, стягивающие мне руки за спиной – шаман может и был не от мира сего, но вот старший охраны совсем не было лохом и связал меня как следует.

Впрочем – ему это не помогло – размяв руки, я начал совершать волнообразные движения руками и кружение на одном месте – со стороны, видимо, это напоминало своими движениями одновременни и тай-цзи-цюань, и чукотский танец чайки, и выступление группы На-На. На аборигенов это произвело такое завораживающее действие, как танец Каа перед бандерлогами – так и хотелось им сказать – «Хорошо ли вам видно, бандерлоги?!»

Всё-таки, от посещения ночных клубов есть своя польза –

такой хрени там насмотришься! Здешие аборигены были бы в ужасе от клубных танцев.

Когда лица аборигенов разгладились и расслабились в священном ужасе перед колдующим демоном, я выбрал момент и со всей дури хряснул кулаком по голове старшего охраны.

Голова лопнула, как спелый арбуз и забрызгала окружающих серо-жёлтыми-красными брызгами, а я схватил труп, забросил себе на плечи, как рюкзак и со всей мочи побежал вперёд, стараясь бежать, резко меняя направление движения.

Тут же я почувствовал, как в труп на спине воткнулось не менее четырёх стрел, застрявших в его костях – лишь одна стрела пробила его насквозь и поранила мне лопатку. Но это было терпимо, и только подстегнуло меня в этой сумасшедшей гонке.

Забежав за стволы деревьев, я бросил свою «подушечку для иголок» и прибавил хода – благо что перед этим поспал, поел, а сила тяжести позволяла нести своё массивное тело лёгкими длинными прыжками, как будто бежал не менеджер по продажам, а лесной олень. Рядом с жужжанием пролетали и втыкались в землю и в стволы деревьев длинные стрелы, но страха не было – только азарт: Не возьмёте! Уйду! Куда вам против земного манагера, жалкие рабовладельцы!

«Весь мир, насилья мы разрушим, до основанья, аааааа, затем!.. аааа!!!» – я завопил тогда, когда стрела, уже на из-

лётё, пробила мне руку у левого плеча и осталась торчать, заткнув дыру древком – и это хорошо, что заткнула, иначе я бы точно истёк кровью.

С удивлением я воззрился в инородный предмет, воткнувшийся в моё тело – боли не было – толчок, как будто ожог, и вот уже в руке стрела! Хорошо ещё, что не в кость – мясо всё-таки легче заживает.

А я всё бежал и бежал, оставив далеко позади моих преследователей. Меня подстёгивал страх смерти, азарт – для меня это была как ролевая игра, а еще – толкала вперед жажда свободы – ну не привык я быть рабом, не хочу я быть рабом, и не верю в бесконечные перерождения, в которых я в конце концов стану генеральным директором фирмы «АР-РО», а ещё лучше её владельцами – Артёмом Михалычем и Романом Михалычем. Двумя сразу? Как это там? Двумикий Анус? Тьфу! Янус!

Бежать...бежать...бежать...лёгкие разрываются от перегоняемого через них воздуха, в крови кипит адреналин, но рука уже начинает ощутимо болеть – дёргает её, как электро-током. Ну, как всегда – как говорила бабушка, не обделаюсь, так в готовое влезу! Всегда попадаю в неприятности!

Вот уже два человека на моей совести...сколько их ещё будет? А сколько надо, столько и будет! Кто с мечом к нам придёт, тому хреново будет! С мечом в заднице и убежит! – как говорил Александр Невский. Ну, может и не так говорил, но смысл тот же.

Бежать...бежать...бежать...

Под ногами хлюп-хлюп-хлюп...

Вот и река – направление понятно, река мне до лампочки – лучше подальше от неё – пить всё равно из лианы, а полезешь к реке, окажешься у крокодилокаракатицы в пасти. Да ну её нафиг, жалко, пусть живёт – отравится ещё мной, ядовитым...

Бежать...бежать...бежать...

Это я уже просто олимпийский бегун! Сколько времени бегу, да ещё и со стрелой в плече – мне не золотую, мне бриллиантовую медаль надо давать! Или жизнь...

Выдохся я не скоро – примерно через час я перешёл со сплошного бега на тот, что применяют спецвойска при длительных перемещениях – сорок пять минут бега – пятнадцать минут шагом, и так часами, часами, и часами. Конечно, я не спецназ, но на мне нет и тридцати килограммов их снаряжения, и сила тяжести тут вполтину.

Интересные мысли лезут в голову пока бежишь, как загнанный олень – а может это Земля, но только в прошлом? Много, много сотен миллионов лет назад? А почему нет? Или, скажем так – один из вариантов Земли! Сила тяжести меньше? А если представить, что некогда в Землю ударил огромный планетоид, ну, типа Луны, и прилип к ней – жизнь уничтожена, всё заново, вот и получилась новая Земля. А это старая.

Тьфу! Начитался инетских баек... идея о параллельных

мирах будет все-таки более реальна, чем моя теория.

Выбросить из головы всякую ерунду, и заняться практическими вещами – надо удалить стрелу из руки, промыть рану, а потом опять бежать. Не удалённая из раны стрела цепляется за кусты и причиняет дикую боль – шок от ранения прошёл, и уже несколько часов я просто-таки вою от боли, когда случайно цепляю стрелой ветку или толстую травинку.

Выбрав площадку посуше, согнал с неё стаю гигантских бабочек, больше напоминающих летающие дамские веера, чем насекомых, и уселся на ствол упавшего дерева, предварительно убедившись, что под задницей не шевелится гигантская многоножка или жук величиной с кулак. После работы на вырубках я научился это делать автоматически – после того, как увидел личинок многоножки вылезающих из задницы несчастного раба – она отложила в него яйца так ловко, что он этого даже не заметил. Говорят, они при откладке яиц в тело живых объектов и во время нахождения внутри тела выделяют какое-то специальное вещество, полностью удаляющее боль и даже приносящее эйфорическое состояние. Человек замечает, что его едят изнутри только тогда, когда из прогрызенной в нём дырки ворохом сыплются brave многоножки. И льется кровь. Только уже поздно – от внутренних органов почти ничего не остаётся. Как при этом человек до последнего момента живет обычной жизнью – не знаю. Возможно, до последнего часа они стараются не убить своего носителя. Разумны?

Вокруг было чисто, есть меня никто не собирался, и я приступил к изъятию проклятой стрелы. Перво-наперво надо избавиться от наконечника – я переломил стрелу возле этого прекрасного изделия из обсидиана – вулканического стекла – завывая от боли и матерясь так и такими ругательствами, что до сих пор и не подозревал, что их знаю. Переломить одно дело, а надо еще открутить обломок – а это вот было трудно. Дерево очень прочное, волокнистое, высушено на славу.

Через пять минут мучений, и это сделал. Теперь осторожно потянуть за оперённый конец...ой, как больно!

AAAAA! Гадина!

Меня пробило такой болью, что тут же вытошнило. Из раны потекла кровь, которую я попытался унять, обмотав руку листом растения, похожего на банан. Похожий на банан – как я его себе представляю. Да наплевать, банан, не банан! Обмотал, да и всё тут!

Минут через пять кровь утихла, и перестала капать – и время. С отвращением я увидел, что к моей крови, накапавшей на зелёный мох, кинулась целая вереница каких-то жучков и паучков, жадно поглощающих вкусную красную ннаку. Представилось – вот так уснёшь на земле – и проснёшься ли? А ведь придётся спать, куда деваться!

Только вот надо будет уши заткнуть, чтобы не залезли всякие уховёртки и жуки.

И тут же ехидный голос внутри спросил – а ноздри и зад-

ницу тоже прикроешь?

Снова бегу. Хлюп-хлюп-хлюп... сколько есть сил, на свободу! На волю, в пампасы! Интересно, а есть тут пампасы? Есть, наверное – это же степи на их языке. Ну, в смысле, на индейском. Или не на индейском? Да ладно тебе нудничать, Васька, беги, спасайся!

Кровь совсем остановилась? Славно. Это очень славно. Значит, чуток еще поживёшь, орёл степной, казак лихой.

Бег...бег...бег...и чего это я пренебрегал физкультурой? А почему не пошёл в рукопашный бой? Сейчас бы эдак красиво всех врагов положил, а потом сказал: «Я ещё не докурил своей последней сигареты!»

И чего несу? И не курил я никогда – как-то не принято это было в нашей семье, и сигарет тут никаких нет... Но какой-нибудь кальян точно есть – здесь все признаки морального разложения, а значит есть и кальян.

Чёрт с ним с кальяном, я хочу отдохнуть и пожрать хоть чего-нибудь. А вокруг никаких плодовых деревьев, никаких плодов, ничего съедобного. Жука сожрать? Да они тут все небось отравленные, мне только поноса не хватало...

Ладно, перебуюсь. Найду потом чего-нибудь, хорошо ещё что масса тела большая, запаса надолго хватило, если бы тощий был – помер уже. «Пока толстый сохнет, тонкий сдохнет!» – чеканный афоризм.

Ну – всё. Надо поспать хоть пару часов. Ноги отваливаются, заплетаются, того и гляди грохнусь. От того, что я се-

бя загоню, лучше не будет. Они там тоже люди, тоже отдыхают, сейчас, небось спят – пока до лагеря дошли, пока погоню организовали. Шамана же они без охраны не оставят? Значит полноценная погоня могла выйти только часа через два. И это как минимум. А скорее всего часов через пять – пока опомнились, пока пришли в лагерь, суета, всех собрали – поехали! Ату его, этого манагера!

Фигушки вам. Не найдёте...

Выбрал сухое место и лёг на спину, закрыв глаза. Натруженные ноги отваливались, но всё-таки, всё не так плохо, как думалось. Заметил странную вещь – на меня не садятся мошки, москиты, жучки и паучки – жужжит, летит с намерением меня поймать и ррраз! – будто наталкивается на невидимую преграду и отворачивает в сторону. Нет сил думать над этим...а так есть хочется, просто ужас. Заставил себя успокоиться и медленно погрузился в сон.

Снилось мне, что я дерево – не то, большое, а то, каким оно было до того – молодое шустрое деревцо, весело сосущее корнями питательные вещества из размякшей сырой почвы. И так это было вкусно и хорошо, и так приятно...

Я проснулся с хорошим настроением – рука не болела, и даже есть не хотелось, а в теле такая бодрость и свежесть – сам удивился, ведь и поспал-то всего часа два. Некогда думать – бежать надо. И я побежал.

Глава 4

Уже двое суток я шёл лесами, забирая вправо от реки – прикинул, что ловить меня должны как раз вдоль неё, а значит, моя задача уйти в противоположную сторону. Переправляться, по понятным причинам, я не собирался, и это означало, что других вариантов, по большому свету, у меня и нет. Лес большой, найти людей там трудно – это ещё партизаны доказали. Так что я пёр и пёр через джунгли, наугад придерживаясь направления в сторону моря. Обнадёживало одно – море я никак не обойду, а как только уткнусь в море, так и пойду по берегу влево, до города. Конечно, мне приходило в голову, что в городе мне не будет очень-то и сладко – ну, пришёл я в порт, к примеру, и что? А где гарантия, что меня опять не захватят и не обратят в раба? Сейчас я даже ниже раба по статусу – совсем никто, животное, бродящее по джунглям. Даже за раба кто-то ответит – он кому-то принадлежит, а я не принадлежу никому и никому не нужен. От чувства своей беспомощности и потерянности у меня просто слёзы накатывались на глаза. А может и от усталости.

А в остальном моё путешествие было вполне удовлетворительным – болота возле реки сменились вполне проходимыми сухими тропами, вытоптанными в густых зарослях разнотравья, громадных грибов и цветов. Постоянно попадались кусты какого-то растения, на которых висели жёлтые

с красным боком плоды, размером с кулак, вкусом напоминающие сразу и орехи, и яблоки – их плотная сахаристая мякоть прекрасно утоляла голод. Да и голод-то был для меня понятием отдалённым – я почти не хотел есть. Вернее так – есть я начинал хотеть примерно во второй половине дня, а с утра был вполне бодр, весел и полон сил.

Заметил – что это действовало только тогда, когда ложился спать прямо на земле, если же забирался на ветку, просыпался голодным, злым, уставшим – проверено.

Раненая рука меня больше не беспокоила, более того – рана затянулась и на её месте остался только небольшой шрам. Объяснить я это не мог, поэтому задвинул размышления о случившемся в самый дальний закоулок моего ошеломленного мозга.

На третий день я стал ощущать чьё-то присутствие – вот не вижу никого впрямую, но – мелькнёт тень на периферии зрения, затихнут кричащие птицы, или наоборот разорутся – как я читал, это признак того, что меня кто-то преследует, зверь или человек. Если бы это были люди – скорее всего я бы уже лежал связанный, или вообще валялся со стрелой в спине, но... до сих пор ничего такого не случилось. Значит, звери?

Однако – это были люди.

Уже под вечер, когда я перелез через толстый ствол упавшего дерева, возле куста со знакомыми сочными жёлто-красными плодами, увидел несколько людей, практических го-

лых, только на причинном месте был приделан какой-то сосуд – вроде выдолбленной сушёной тыквы. Мне сразу вспомнились земные аборигены из джунглей – они носили что-то подобное, и чем сосуд был больше, тем важнее был воин. Мне кажется, что это соответствует желанию некоторых мелких людей купить автомобиль как можно большего размера – джип, величиной с дом, к примеру – чем это не современный сосуд на причинном месте? Сколько раз я наблюдал, как тип в таком джипе медленно-медленно переползает рельсы, возвышающиеся над мостовой аж на сантиметр. Для него джип не средство преодоления пространства и бездорожья, а вот такой написьник – и чем он больше, тем важнее и значительнее чувствует себя этот «хозяин жизни». И теперь скажите – далеко ли мы ушли от голых дикарей?

Так вот – дикари были голыми, в написьниках, лица разрисованы белой краской – ну что у них такая тяга к белой краске в джунглях?! Ах да! – вспомнил я – белый цвет у многих народов означает, что хозяин разрисованного лица имеет отношение к отправке на тот свет – белый цвет, цвет траура, цвет загробного мира. Убийца, одним словом.

Эге-ге...не нравится мне их цвет...не хочу я на тот свет. Что там говорил Аркан? Не делать резких движений, не угрожать, не нападать!

Кстати сказать – аборигены стояли вполне спокойно и не выказывали никаких признаков агрессии – стоят себе и смотрят на меня, как на бегущего во дворе щенка. Один из них

отделился от группы и плавными движениями, так, что не хрустнула ни одна хворостинка на земле, подошёл ко мне.

Минуты три мы рассматривали друг друга – абориген был черноволосым, сероглазым, довольно смуглым – там, где не было белой краски, пропорционального сложения – худощавый, как и все тут, не толстый, и самое главное – ниже меня на полголовы. Он осмотрел меня с ног до головы, осторожно протянул руку и пощупал мои плечи, которые были шире его плеч чуть не в два раза. А может и в два.

То, что он нащупал, ему, видимо, понравилось, и абориген повернулся к своим товарищам и сказал что-то на странном щёлкающем, будто птичьим языке, напоминавшем токование глухаря. Подумалось – а ведь он ко мне спиной повернулся. Значит, доверяет? Доверяет – не доверяет. По крайней мере врагом не считает, как я понял. И это уже хорошо...

Абориген повернулся ко мне и что-то прощёлкал на своём языке. Я подумал, и ответил – на языке рабовладельцев:

– Я не понимаю!

Абориген подумал, кивнул, и на ломаном имперском сказал:

– Идти со мной. Нет больно. Нет смерть. Гость.

Я кивнул головой, абориген довольно улыбнулся – выглядело это довольно странно – белая маска разошлась в сторону, как у персонажа театра Кабуки, и зашагал по незаметной тропе.

Я последовал за ним, остальные аборигены позади меня.

Всем телом ощущалось их присутствие за спиной, а мысли о том, что в любой момент могу лишиться жизни, не способствовали спокойствию духа. Впрочем, по здравому размышлению, у меня было гораздо больше шансов получить нож в спину от моих современников, чем вот от таких дикарей. В их понятиях всегда было слово «табу», по отношению к гостям – гостя нельзя убивать, нельзя его есть, обижать – если он соблюдает законы племени и тоже не нарушает табу.

Вообще-то это скользкая и непредсказуемая штука – что есть табу, а что не табу? А как добиться, чтобы тебя признали гостем? Ведь есть ещё такое понятие как «чужак», и во многих языках «чужак» и «враг» обозначаются одним словом.

Вспомнилось, как в мордовских лесах, не так уж задолго до революции, местные жители привязали к дереву и оставили в лесу в жертву богу леса – Киреметю случайно попавшего к ним чужого – даже какое-то расследование царских властей было по этому поводу. А ведь всего прошло с тех пор полторы сотни лет... что такое полторы сотни лет по сравнению с сотнями миллионов лет?

Эти мысли бились в голове, когда я смотрел в смуглую спину идущего впереди аборигена, ведущего меня по тропинке – с интересом отметил, что москиты его тоже не едят, и сделал зарубку в голове – спрошу попозже, как они этого добиваются.

Шли мы около двух часов – я понял, что каким-то образом в своих блужданиях я практически вышел на деревню

аборигенов, спрятавшуюся в густых джунглях.

В ней было около сорока хижин, по меркам древнего мира – довольно-таки большое племя. Грубо прикинул – если в каждой хижине человек пять обитателей – двести человек народа. Нет, гораздо больше – это взрослых человек пять, а сколько детей? Значит – раза в три, минимум, больше, если со стариками и детьми.

Много это, или мало? Для Земли – мало, для Машрума. а что для Машрума? Я ведь его ни черта не знаю. Хватит делать предположения, надо выкинуть из головы лишние мысли, и пока что просто выживать, насколько мне это позволят делать.

Никогда не думал, что со мной могут приключиться такие дикие события, и ещё, нечто странное со мной происходит – с тех пор, как я попал в этот мир, у меня как будто бы выключили обычные для человека чувства – основным из которых является страх. Нет, не выключили – притупили. Я боюсь, да, но, почему-то, мне не верится, что меня могут убить... так, что ли...опять не так!

Не могу этого передать словами – вот могут убить, да, я это понимаю, не хочу этого, но этакого всепоглощающего ужаса, подавляющего волю и заставляющего вместо борьбы усесться на землю и принять свою гибель с тупой покорностью, у меня нет. Наоборот, у меня откуда-то взялась ТАКАЯ безумная, дикая бесшабашность, что сам себе удивляюсь. Берсерк, да и только!

И ещё – пробило на юмор. Иногда хочется просто дико хохотать над тем, что со мной происходит. Может я слегка спятил во время переноса на Машрум? Если так – то это хорошее сумасшествие. В этом мире надо быть немного безумным... чтобы выжить.

Мой провожатый резко остановился, так, что я чуть не воткнулся ему в спину, обернулся, бросил:

– Вот эта хижина идти. Тебя ждать Хранитель. Говорить правда, не бояться. Друзья.

Он ободряюще улыбнулся, и неожиданно подмигнул правым глазам – мол, не тушуйся! Этот жест был таким неожиданным и земным, что я остолбенел и захлопал глазами – вот тебе и дикари! Наличие ноутбука и мобильного ещё не предполагает цивилизованности, а краска на лице и копье в руках не означает глупости.

Почему-то, когда мы видим человека из цивилизации уровня первобытно-общинного строя, сразу считаем, что они что-то вроде эдаких имбецилов, которые и понять-то ничего не смогут из того, что им наговорит гениальный человек из будущего. Однако стоит помнить, что эти люди выжили, и с успехом выживают без каких либо машин и приспособлений, там, где современный человек продержится хорошо если сутки. После пребывания в этом мире я уже немного излечился от комплекса «большого брата», но некоторые вещи всё ещё меня удивляли.

Войдя в большую плетёную хижину, состоящую из мно-

гих комнат, входы в которые сейчас были прикрыты навесами из циновок, я увидел сидящего у стены человека – без раскраски, в обычной набедренной повязке, который со вкусом попивал из высушенного узкогорлого сосуда какую-то жидкость, по запаху напоминающую пиво или вино. Так бы я и не унюхал этого самого запаха, но часть жидкости капала из сосуда прямо ему на грудь, увешанную амулетами, и растекалась по грудным мышцам – довольно-таки рельефным и внушительным. Крепкий мужик! Жилистый.

Человек поднял на меня глаза и спокойно сказал:

– Садись, Хранитель, поговорим. Я знал, что ты придёшь.

– Какой такой хранитель? Откуда ты знаешь язык имперцев?

– Хммм... ну как мне не знать язык имперцев – за те пятьсот лет, что я живу, уж наверное я выучу язык Империи. Какой хранитель? А какие ещё Хранители бывают? Хранители Семени, конечно.

– Какого такого семени? – вытаращился я на человека, в глубине души понимая, что скоро получу разгадку всем странным событиям, происходившим со мной последнее время – пятьсот лет? Ты утверждаешь, что живёшь пятьсот лет?! Да я бы тебе на вид дал не более двадцати пяти – тридцати!

– Все Хранители выглядят так. Все мы пребываем в расцвете сил, пока не придёт момент, и мы не поймём – время пришло. А пока не пришло – наслаждайся жизнью, пользуй-

ся всем, что дарует тебе благословенное Семя.

– Послушай, уважаемый, я не знаю, как тебя зовут – я из другого мира, ничего не знаю об этом мире, не знаю никаких семян, хранителей, если ты, как сказал мне провожатый – друг, расскажи, что происходит. Расскажи обо всем, что я должен знать об этом мире и о Хранителях в частности.

Почему-то мне кажется – что это всё не понравится тихому менеджеру... – это я уже пробормотал себе под нос, сосредоточенно обдумывая сказанное собеседником. В голову лезло всякое, самое фантастичное – лучше будет выслушать его до конца и уже потом это всё обдумать.

– Да, я вижу – ты странный человек. Рост у тебя, как у нас, акомов, но ты шире в плечах и массивнее чем мы, кожа твоя бела – это видно сразу. Так как же ты оказался Хранителем? Ведь это очень, очень непросто! Вижу – ты не понимаешь. Хорошо, тогда я тебе расскажу...

– Расскажи, пожалуйста – представь, что перед тобой ребёнок, которому ты в первый раз что-то объясняешь, постарайся доступно для его незрелого ума всё разъяснить.

– Незрелого ума? – усмехнулся человек – хорошо сказал. Имперцы считают как раз наоборот – их ум зрелый, а вот мы совершеннейшие придурки. Только вот никак не могут нас найти в джунглях и сделать рабами, хотя мы и ходим чуть не у них по ногам. Эти мерзавцы портят наш лес, уничтожают деревья...если мы их не убиваем, это не потому, что не можем – просто не хотим излишнего кровопролития. Ну

да ладно, речь не о том. Значит, ты девственно чист, как маленький ребёнок и жаждешь знаний?

Я усиленно закивал головой – жажду, жажду! Ох, как жажду!

– Ну, тогда слушай: в нашем мире есть особые деревья. Наши предания говорят, что это и не совсем деревья, а души наших предков, вселившиеся в них, и даже не души, а сами предки, только ставшие этими деревьями. Деревья эти огромная редкость – я в своей жизни видел только два – одно из них то, Семя которого сейчас находится во мне.

Не каждый человек может стать Хранителем – дерево само подбирает того, кто достоин носить в себе его Семя, а недостойные погибают во время преобразования. Хранителем можно стать по своей воле, или же случайно – вот как я – мальчишкой залез в дупло Дерева, уснул там – и стал Хранителем, или как нас называют Деревья – Носителем.

– Я слышал где-то это выражение – носитель, мне оно пришло! Извини, прервал, продолжай...

– От дерева Хранитель получает особые способности – он живёт в несколько раз дольше, чем обычный человек, он сильнее, быстрее и умнее обычного человека, он никогда не болеет, его практически невозможно убить – если только не уничтожить Семя – ведь оно даже из оставшегося куска организма, в котором находится, вырастит новое тело. Ну что ещё сказать... Хранитель может изменять свою внешность – так я путешествовал по миру – может питаться от земли, пус-

кая корни. Семя следит за поддержанием здоровья Носителя и поддерживает его на уровне человека двадцати пяти – тридцати лет. Мы не старимся и не боеем, не отравляемся и не голодаем, но – наступает день, когда Хранитель понимает: его время пришло. Тогда он уходит в джунгли, пускает корни...и появляется Дерево.

В определённый момент – может через тысячу лет, может десять тысяч, Дерево решает – пора найти своего Носителя. За время жизни Дерева, Носителей может быть два или три – Деревья очень медленно растут и размножаются, потому их очень, и очень мало.

– А если я не захочу становиться деревом? Если захочу жить вечно?

– Когда-нибудь, тебе наскучит эта суета, ты захочешь покоя, и вот тогда придёт время Дерева. Не знаю, может быть кто-нибудь из Хранителей Семени и не захотел стать деревом, но мне о таких случаях неизвестно. Значит, ты будешь первым.

Ну что, давай знакомиться? Меня звать Варган, Хранитель племени акомов. Ты откуда взялся, и как тебя звать? Я видел тебя во сне – знал, что ты придёшь. Деревья сказали мне, что я должен обучить тебя всему, что знаю, чтобы ты выжил в этом мире, иначе Семя, что в тебе – погибнет. Решать, будешь ты Деревом, или нет – только тебе, никто тебя не принудит к исполнению предназначения. Я вот тоже ещё не пожил как следует в человеческом теле – отдохну в род-

ном племени, с тобой позанимаюсь – и опять путешествовать буду, знания собирать, да и просто развлекаться. Жизнь прекрасна! Ты только представь, сколько впереди лет жизни – без болезней и голода, без страха! Ты уже заметил, что практически перестал бояться? Это результат воздействия Семени. Страх убивает разум, а Хранитель должен действовать максимально разумно и эффективно. Хранители собирают знания, но ещё – они оберегают людей. Даже если для этого приходится часть из них убить...

– А это не противоречит – как это – убить одних, чтобы оберечь других?

– Ничуть. Представь, что перед тобой убийца-маньяк, он ведь тоже человек, но если ты его не убьёшь, то подвергнешь опасности жизнь множества людей, который он убьёт. Так не справедливо ли лишить его жизни, чтобы не случилось беды?

– Варган, я попал сюда из другого мира, и первое, что я увидел – охотники за рабами. У нас рабство давным-давно искоренили, оно считается серьёзным преступлением, и рабовладельцы наказываются очень строго. С моей точки зрения, рабовладельцы заслуживают смерти. А если я решу, что их надо убивать? Как это с точки зрения остальных Хранителей, и Деревьев?

Варган нахмурился:

– Да, рабство отвратительно. При встрече с имперцами, если они выказывают признаки агрессии или являются охот-

никами за рабами – мы их убиваем. Но и убивать всех подряд – это будет неправильно. Рабство есть основа империи, если убрать рабство, в империи настанет хаос. Кроме того – мы не должны выдавать своё присутствие на планете – если все люди узнают о существовании Деревьев, Хранителей, жизни Деревьев будет грозить опасность – их будут выискивать и убивать. А Деревья – это мы, я и ты. В общем – всё непросто, и ты это увидишь. Ты волен поступать так, как считаешь необходимым, но самое галвное, что должен усвоить – никогда, никогда, ни при каких условиях не подвергай опасности жизнь Деревьев и Хранителей! Если Деревья решат, что ты опасен для жизни их племени, они передадут поручение Хранителям, тебя найдут и уничтожат. Тебе это ясно?

– Хммм...ясно. А как они смогут найти? Ну уехал я куда-то, и всё, с концами...за моря, за леса.

Варган усмехнулся:

– Есть, есть способы. Деревья есть по всему миру, они связаны друг с другом и с Хранителями. А Хранителем может быть любой человек, которого ты видишь, так что знай – ты всегда под наблюдением. Тебе многое даётся, но и спрос с тебя большой. Понимаешь?

– Понимаю, не дурак. Ну что же, в общем-то мне всё ясно. Теперь о себе. Меня звать...

И я рассказал Варгану всё, что случилось со мной с тех пор, как я выехал на пикник с коллективом фирмы. Он слушал внимательно, по ходу рассказа задавая дельные вопро-

сы и комментируя короткими, ёмкими фразами. После того, как я закончил, молчал минут десять, затем сказал:

– Интересно, как это ты умудрился дожить до сегодняшнего дня? Ты везучий, Белый Вас. Впрочем – теперь тебе жить будет легче. Твои способности возросли многократно, даже среди Хранителей ты будешь сильно выделяться – и не только своим внешним видом.

– Я понял так, что ты встретил меня по заданию всей... хммм... организации Хранителей? То есть – это не собственная инициатива?

– Да. Я видел тебя в своих снах, сообщил в сеть, мне было поручено тебя встретить, и наставить на путь истинный. Итак, ещё раз – ты всё понял? Ты готов выполнять законы Хранителей?

– Типа, ты спросил – «что ты выбираешь – жизнь, или смерть?», да? Чего спрашивать-то очевидное. Хочется как-то ещё потоптать эту землю, пока меня не укоренят в горшке на подоконнике...

– Каком горшке? – недоумённо спросил Варган.

– Да это так... юмор такой у меня. Забудь. В общем – я готов подчиняться, готов выполнять законы, готов учиться.

– Это отлично. Так бы не хотелось тебя убивать... ты забавный парень.

– А осилил бы? – с прищуром спросил я – а если бы я тебя завалил?

В воздухе что-то мелькнуло, и в мою грудь уткнулся ост-

рый, как игла, конец длинного твёрдого прута, который выскочил из руки Варгана, сидевшего в полутора метрах от меня. Кончик этого стилета проткнул мне кожу, и на ней выступила капля крови. Дырочка тут же затянулась, и только это красная капелька напоминала о происшедшем. Стиллет неувовимо для глаза снова исчез в руке Варгана.

– Вот так, Вас. Если проткнуть тебе мозг, ты восстановишься, но управлять телом не сможешь довольно долго. А пока ты не управляешь телом, у тебя вырежут Семя, отделив его от мозга, и ты умрёшь.

– Впечатляет. А меня так научишь? Да, кстати – а где находится Семя, где оно укоренилось и как ко мне вообще попало?

– Я же сказал – научу тебя всему, что я знаю и умею. Что касается Семени – оно сидит у тебя в черепе, в затылке, так что – береги голову, вернее – затылок. Если ты потеряешь Семя – ты умрёшь, как если бы тебе вырезали мозг. Семя теперь часть тебя, твой новый орган наподобие сердца, печени и желудка. Или скорее – второго мозга.

Запомни – ты очень, очень живуч, но не неуязвим! У молодых хранителей бывает период эйфории, когда они думают, что им всё позволено и вольно обходятся с своим телом – должен тебя сразу предупредить – ты можешь и погибнуть при определённых обстоятельствах.

– Да понял я, понял. Что теперь должен делать, конкретно – ты же теперь мой наставник, командуешь, руководи.

– Руководжу! – усмехнулся Хранитель – сейчас обедать, отдохнуть, а завтра с утра займёмся твоим обучением. Кстати – ты сильно голодный?

– Да вроде нет...сам не знаю – почему. С некоторых пор я не очень хочу есть. Это связано с моим преобразованием, как я понял?

– Ты правильно понял. Когда ты касаешься земли телом во время сна – из него прорастают корешки, которые впитывают из земли необходимые тебе для питания вещества. Ты можешь питаться двумя способами – как обычно, по человечески, и как дерево. В общем-то, тебе и не надо человеческого питания, но почему не доставить себе удовольствие вкусным питьём или едой? Кстати – спиртные напитки теперь для тебя закрыты. Нет-нет. Пить ты их можешь, если хочется, а вот пьянеть ты больше не будешь. Семя считает, что это отравы, и тут же расщепляет алкоголь до того, как он успеет на тебя подействовать. Чего хмуришься? Зато и отравить тебя нельзя! Вот будешь на пиру у Ока Машрума, а тебе яду-то и подсыпят. А ты только прочихаешься и пошёл дальше!

– Вы что, и на пиру у императора бываете, что ли? – глупо спросил я, похлопав глазами.

– Мы везде бываем – усмехнулся Хранитель – и ты побываешь.

Скоро мы уже сидели на возвышении – вроде небольшого помоста, на плетёных циновках, и пили что-то вроде чая,

заедая его засахаренными фруктами, похожими на финики. Варган расспрашивал меня о жизни на Земле, и я как мог рассказывал и объяснял, что почём. После того, как попили чай, Хранитель поднялся и сказал:

– Пошли за мной. Я покажу тебе хижину, в которой ты теперь будешь жить.

– И как долго жить в этой хижине? Честно говоря, мне не особо хочется провести тут годы...я бы предпочёл посмотреть этот мир. Почему-то хижина в джунглях меня не особо привлекает.

– Попутешествуешь ещё...аж до рвоты. Тогда и будешь с тоской вспоминать тихую хижину в лесу. А пока – быстро за мной, хватит рассуждений! Ты ещё совсем птенец, ничего не понимаешь, ничего не знаешь – когда я решу, что ты готов выйти в мир, тогда и покинешь это благословенное место!

Надо ли говорить, что я потом вспоминал его слова – так хотелось покоя и тихой норы, в которую можно забиться и тебя никто не будет теребить, никто не будет мешать жить. Но...очень часто жизнь преподносит нам совсем не то, что мы хотим на самом деле.

Хижина, что мне предоставили, была поменьше размером, чем та, в которой жил Хранитель, но довольно большая, уютная и чистенькая. Больше всего она напоминала дачный домик, только плетёный из прутьев. Я с интересом разглядывал это произведение искусства – четыре комнаты, очаг, вокруг которого ходили две женщины, обнажённые по пояс.

Скосив глаза, я с интересом рассмотрел их груди – вполне ничего, торчат как надо. Посмотрел на лица – милостивые, напоминают индусок – никакого зверства и подточенных зубов. Из нарядов, по общепринятой практике – только набедренные повязки. И ноги вполне ничего...стройные, мускулистые, гладкие!

Жизнь налаживается, не так ли, Вася?! – подумал я с огромным удовлетворением. Вот только не хватало привычных столов и стульев – везде циновки, постеленные на пол. Очаг сложен из камней, что-то вроде печки. Железа тоже нет, котлы деревянные, а варят они – как когда-то в древние века на земле – бросая в котёл раскалённые в очаге круглые камни. Выглядит не очень привычно, вернее – совсем непривычно – но вполне эффективно: по хижине разносился запах свежесваренного супа, так, что я непроизвольно сглотнул слюни. Всё сухомятина и сухомятина, да корешки из задницы пускаю, а вот супчика навернуть было бы очень даже неплохо!

– Вот твой дом на неопределённое время. Это твои женщины, можешь с ними делать что хочешь. Обучение начнём завтра утром. Женщины тебя обучат языку племени акомов, что бы ты мог общаться с местными жителями. Вопросы есть?

– Хммм...женщины – правда, всё, что я хочу?

– Нууу...если уж не совсем зверство какое-то, то всё. Или ты о чём? – Варган откровенно смеялся, глядя, как я мнусь

на месте – ну давай без обвиняков, спрашивай, что неясно.

– Ну, как жёны, что ли? Или как прислуга? Или... что?

– И жёны, и прислуга, и учителя, и пригляд за тобой. Вот ту, чёрненькую, звать Васона – хе хе, созвучно, правда? А эту, посветлее – Аргана. Они будут следить, чтобы ты ни в чём не испытывал недостатка.

– Скажи, Варган, а сами-то они не против? Ну, это... быть в роли наложниц и прислуги при каком-то пришлом парне?

– Ты так ничего и не понял, хотя и старался делать умную физиономию: для них честь служить Хранителю! Любая из женщин акомов почтёт за честь спать с Хранителем, готовить ему, предоставлять ему любые услуги! Деревья, по религии акомов, есть душа леса, Хранители леса – их дети, а значит – суть божества. Поэтому ты делаешь одолжение, что принимаешь к себе в дом этих двух женщин, и они очень счастливы. Если они тебе не понравятся – ты можешь их выгнать, и взять других, любых, и никто тебе ни слова не скажет в укор. Ты в своём праве. Вот только если будешь бесчинствовать – тобой займётся совет Хранителей, и тогда тебе мало не покажется, заверяю тебя. Для чего это я сказал? А чтобы у тебя иллюзий не было.

– Ладно. Последний вопрос, сам по себе напрашивается – почему такой почёт Хранителям? Почему их так мало, если они так долго живут? Да за тысячи лет их должно быть миллионы! Как и Деревьев...

– А ты не догадался? – хмыкнул Варган – не все могут

стать Хранителями. Ты даже не понимаешь, как тебе повезло – в том, что ты остался жив. Хранителем, Носителем Се-мени, могут быть совсем не все люди. Никто не знает, отчего это зависит, но только один из нескольких сотен людей переживает превращение в Хранителя. Тебя лихорадило после того, как ты переспал в дупле? Ты терял сознание? Конечно, терял. Только вот очнуться могут не все. Из этих, кто пережил – из нас – только процентов восемьдесят доживает до стадии Дерева. Остальные или погибают, или пропадают, и судьба их неизвестна. Наша задача, Хранителей, состоит в том, чтобы лес жил, чтобы Деревья жили, чтобы всё оставалось так, как есть. Заметил, что у людей нет металлических орудий труда или оружия? Не удивило это тебя? Удивило? То-то же...но это всё будет дальше, в процессе обучения ты всё узнаешь.

Отдыхай. Рано утром я за тобой приду и мы займёмся преобразованием твоего тела – лишний жир, рыхлая плоть, надо из тебя делать настоящего Хранителя и мужчину. А то как бледный слизняк какой-то....

Варган усмехнулся и вышел из хижины, похлопав меня по плечу и успокаивающе буркнув:

– Ну-ну, не так всё и страшно...глянь, какие девушки тебя ждут.

Я остался стоять посреди хижины, ошеломлённый захлестнувшим меня потоком информации, и потрясённый открывшимися перспективами: жить долго и счастливо было,

конечно, очень даже заманчиво, а если никто не принуждает становиться деревом – так я могу вообще жить вечно! Вот только в приложение ко всему – странная организация Хранителей, занимающихся непонятно чем, а как уяснил я из услышанного – как бы не они и были настоящими правителями этого мира.

Почему тут нет орудий из железа? Потому, что ими удобнее рубить лес, уничтожать деревья. Каким образом они всё это регулируют, как добиваются того, чтобы железо было под запретом? Да запросто – к примеру – религия накладывает табу на железо: не угодно оно богам, да и всё тут. За его использование – смерть, и кто решится противостоять диктату?

Это что же, получается, никаких больше государств нет, и единая религия? Вроде есть какие-то государства, но религия, похоже, одна и та же. Или нет? Как Хранители проникли во все структуры власти, сколько их? Ладно, не буду ломать голову – постепенно сам всё выясню.

Ко мне подошла одна из терпеливо ожидающих девушек, стоявших у стены и дожидавшихся, когда два Хранителя закончат разговор и спросила на ломаном имперском языке:

– Господин идти еда?

– Да, господин хочет поесть. Давай, чего вы там наварили, есть буду.

Я без церемоний уселся на возвышение для обедов и с удовольствием стал рассматривать суetyщихся девушек.

Зрелище было очень, очень приятное – обе красотки были ростом пониже меня, где-то около ста шестидесяти пяти сантиметром, что по имперским меркам просто карлики, а по меркам акомов, наверное, довольно высокие. Фигуры их были крепкими, спортивными, на смуглых, блестящих, как будто намазанных маслом телах играли длинные упругие мышцы. Может быть они и были чуть худоватыми – на земной вкус, но тут они вполне соответствовали статьям остальных обитателей Машрума.

Впрочем – попки их были достаточно круглыми, груди вызывающе торчали вперёд, ноги длинные и очень правильные – в общем зрелище было такое, как будто я оказался где-то на подиуме, а передо мной скакали какие-то Натальи Водяновы – только не такие белые и рыхловатые.

Девушки время от времени стреляли в меня глазками и что-то шептали друг другу – я сразу заподозрил, что они обсуждают мои стати и смутился – в сравнении с ними я был увалень каких мало. Потом я приободрился – всё-таки Хранитель, так что типа полубог! Может они вообще говорят о том, какой я такой-сякой молодец! Эти мысли меня рассмешили, и я окончательно успокоился.

Девушки наставили мне плошек с едой – какие-то остро пахнущие овощи и фрукты, деревянная чашка с супом (у меня аж в животе заурчало!) – суп приправлен пахучими приправами.

Питьё похоже по запаху на то, что пил Варган, в такой же

бутылочке, я отхлебнул, оказалось – это что-то вроде слабого пива.

Подумалось – надеюсь это не что-то вроде нигаманчи, которую делают индейцы Южной Америки, живущие в джунглях. Я, когда прочитал об их напитке – чуть не сблевал.

Книга такая есть, «К охотникам за головами». Написали ее два чеха, Ганзелка и Зигмунд Они путешествовали по миру, вот и приехали к южноамериканским охотникам за головами, тем самым, что делают из врагов и чужаков тсантсы – уменьшенные до размеров кулака человеческие головы. У этих индейцев был напиток – нигаманча. Алкогольный напиток. Делается он так: несколько женщин с крепкими зубами жуют стебли юкки (растение, типа картошки) и плюют жовки в чан. Солнце, жара – слюна – брожением – алкоголь. Потом эту жидкость пьют воины – в торжественно-ритуальные дни. Ну и просто бухают, как захочется.

Заброшенных плевков я не желал, потому подозрительно принялся к жидкости в тыкве, вылил немного на свою ладонь, посмотрел – ага, вроде не плевки, а честный сок плодов какого-то растения. После этого исследования с наслаждением залил в себя половину содержимого тыквы – жидкость была прохладной, явно алкогольной, и я с предвкушением ждал прихода – вот-вот накроет и я слегка забудусь, может даже представляю, что после попойки лежу у себя в комнате и слушаю клеевую музыку.

Увы... Варган не зря сказал, что ни черта алкоголь меня

больше брать не будет – никакого прихода, один расход. Я даже сплюнул от разочарования и вдруг явственно услышал еле слышное хихиканье в своей голове. Может показалось, а может чёртово семечко баобаба развлеклось...

Ужин прошёл довольно скомкано – конечно, есть хотелось, но вид мелькающих на уровне глаз смуглых сисег на расстоянии протянутой руки навевал мысли о чём угодно, только не о полноценной вдумчивой еде.

В общем, Грех завладел мной окончательно и бесповоротно и едва закончив осуществлять питание, я завлёк чёрненькую девицу в соседнюю комнату, где на ворохе красиво вышитых циновок и осуществил своё право Хранителя на полноценное сексуальное обслуживание. Трижды. Под протяжные вздохи и стоны партнёрши.

После того, как всё успокоилось, и набедренные повязки заняли своё законное место (впрочем – они мало мешали процессу, можно было и не снимать!), я решил заняться изучением местного языка – мало ли как пригодится, хоть узнаю, какие гадости говорят про меня окружающие акомы (язык не поворачивался теперь называть их дикарями, после того, что я узнал, да и как-то стрёмно называть дикарями тех, с кем спишь и ешь).

Васона оказалась не только очень умелой любовницей, но и прекрасной учительницей, вдумчиво подошедшей к процессу изучения. Начали мы с частей тела человека, что было довольно опрометчиво, так как это опять чуть не закон-

чилося соитием – я еле удержался. Ну а потом перешли на хозяйственные предметы – ложки, чашки и так далее, и тому подобное.

К ночи я уже твёрдо знал десятка два общеупотребительных слова, половина из которых касалось особенностей мужских и женских тел, а также не очень твёрдо – несколько десятков слов вроде «хижина», «небо» и «циновка».

Язык акомов не представлял ничего особо сложного и напоминал язык индейцев. У меня даже опять возникли подозрения, что языки Земли и Машрума имеют общие корни – может быть когда-то два мира плотно общались друг с другом? Или сообщаются...

Спал я один – терпеть не могу, когда кто-то торчит под боком и пихает меня коленками. Если я когда-нибудь женюсь, то жене выделю отдельную спальню – пусть там спит и мне не мешает видеть сны.

Кстати, надо спросить у Варгана – а производить детей мне моё нынешнее состояние позволяет? Или я уже совсем стерилен? Было бы неприятно знать, что я не оставлю после себя человеческих детёнышей...

Аргана прокралась ко мне уже тогда, когда я засыпал, и практически потребовала на своём птичьем языке любви и ласки – но я её прогнал, заверив на ломаном акомском и имперском, что завтра всё будет – и любовь и ласка, а сейчас, я если она не уберётся и не даст мне поспать как следует, огребёт по-полной гнева великого Хранителя. Ну, в самом деле –

я им что, бык-производитель, что ли? Спать-то когда-то надо!

Пробуждение было отвратительным – утро началось с рёва мерзкого Варгана, который орал, как три океанских парохода:

– Подъём! Нас ждут великие дела! Сейчас на пробежку по лесу – три километра туда и обратно, а потом засядем за мозговые упражнения. Будет делать из тебя хранителя, обтесав эту белую тупую глыбу до сердцевины!

Мне очень не понравились его слова об обтёсывании меня до сердцевины – эдак сострогают нафиг, ничего не останется. Мне моя плоть как-то нравится, я не нанимался работать бегуном или другим каким спортсменом, но делать было нечего, так как у этого козла в руках была плётка, которой он ощутимо врезал мне по голой спине.

Вот не нравится мне когда бьют по спине – я еле сдержался, чтобы не врезать ему как следует. Но сдержался, помня, как из этого «буратинки» вылезает здоровенная деревянная пика, и лишь зашипел и заматерился по-русски.

Быстро посетив заведение на задах у хижины – типа сортир, я побежал по тропе, подгоняемый безжалостным Варганом. Про себя решил – нет, гадина, не дам я тебе повода измываться над знатным менеджером и так наддал по тропе, что Варган с трудом за мной успевал, а потом даже слегка отстал, потерявшись где-то на горизонте. Затем я сбавил ход и дождался его – практически не запыхавшегося, но удив-

лённого:

– Мдя, Вас, теперь я верю, что имперцы не могли тебя догнать! Видимо, это результат повышенного тяготения на вашей планете, твои мышцы и связки всю жизнь работали при двойном тяготении, вот и результат. Ладно. Сейчас мы попробуем, как ты можешь сопротивляться обученному воину в рукопашном бою. Становись в стойку – если умеешь.

Я встал в стойку, напоминающую нечто среднее между боксёрской и стойкой Брюса Ли – типа «Манагер бьёт хвостом в солнечный день». Стойка эта ничего не означала, кроме того, что я стоически готов был принять все испытания, которые сейчас обрушит на меня злостный Хранитель.

И он обрушил. Этот гад пинал меня, бил руками и ногами – не смертельно, конечно, просто обозначая удар хлестким окончанием, но я знал точно – если бы он закончил удар в полную силу, то убил меня бы в первые секунды боя. При этом подзадоривал меня, смеялся и хохотал:

– Давай, давай, карзум ты зажавшийся! Шевелись, потомок маркузов безмозглых, ну сделай мне хоть что-нибудь, бревно ты замшелое!

В конце концов я не выдержал, и не обращая внимания на град ударов, которыми встретил меня Варган, набросился на него, поднял в воздух и со всей дури шваркнул в болотце, покрытое ряской, в десяти метрах от места тренировки. Варган пролетел эти метры по воздуху как птица, затем выпучив глаза и откашливаясь вылез из лужи, прочистил глаза

и уши, залепленные грязью, и ошеломлённо сказал:

– Ну и здоров же ты, тебя бы обучить бою, равных бы не было! Пошли купаться, ты весь в земле, да и я не совсем чистый...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.